

ЭЛБЕРД ГАГЛОЕВ

ВО СЛАВУ
БЛИСТАТЕЛЬНОГО ДОМА

По слову Блистательного Дома

Эльберд Гаглыев

Во славу Блистательного Дома

«Лениздат»

2008

Гаглов Э.

Во славу Блистательного Дома / Э. Гаглов — «Лениздат»,
2008 — (По слову Блистательного Дома)

Главный герой с друзьями попадает в Столицу Империи и оказывается в самом центре тугого клубка интриг, опутавших прежде спокойный и процветающий город. Все смешалось в годах выверенной системе правления средневекового государства, и причиной тому политика таинственного самозванца, сменившего у престола императора Великого Мага и Колдуна Тиваса. Ему теперь противостоит лишь Серебряный Лис, создатель и глава совершенной службы контрразведки, но Лис не всемогущ, и он тоже вызывает о помощи. Героям приходится сталкиваться и с блюстителями нового режима, и с вооруженными наемниками, и с коварством морских разбойников шипасов, и с чудесными свойствами древних зеркал, за которыми охотятся загадочные незнакомцы. А в это время на границах Империи собираются войска свободолюбивых лордов, раздосадованных действиями правителя, и готовится поход на Столицу...

© Гаглов Э., 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

Вступление	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава3	21
Глава 4	31
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эльберд Гаглоев

Во славу Блистательного Дома

Вступление

– Старшой!

– И чего тебе?

– На Арене волшба чужанская деется.

– И?

– Так, а искорки сквозь нее вроде нашенские поглядывают.

– Дай-ко гляну. – Многоцветные блики слегка высветили резкую рубленую физиономию, которую отнюдь не украшала отметина, оставленная чем-то дробящим. Несколько секунд физиономия неотрывно следила за кипением разноцветья на полированном бронзовом столе. После чего владелец ее всем телом развернулся в сторону высокой двустворчатой двери.

– Медведко!

Одна створка дверей приоткрылась, и в проем просунулась голова, настолько кудлатая и бородатая, что наличие глаз и носа можно было только предположить, и полюбопытствовала:

– Чего тебе?

Человек со шрамом шевельнул было губами, наверное, улыбнуться хотел, но глянул орлом, прицеливаясь.

– Зайди.

– А огнем жечь не будешь? – вторично поинтересовалась башка.

– Зайди, – уже строже проговорил шрамолицый.

Башка обреченно вздохнула и зашла. Выяснилось, что она крепится к телу, размеров и глыбистости которого не могла скрыть даже обширнейшая мантия, пытающаяся все это великолепие спрятать.

– Поднимай своих! – каркнул шрамолицый, вновь вбивая взгляд в кипение цветов на бронзовом столе. – Общий сбор.

– А чего говорить-то? – Глыбистый враз построжал телом.

– Великий вернулся.

* * *

В комнате, а скорее, ее стоило бы назвать небольшим залом, царил полумрак, который безуспешно пытались разогнать три свечи, закрепленные в шандале. Но и у них это не слишком получалось, и пятно света освещало лишь заваленный бумагами стол с пишущим за ним человеком. Он не только укрыл лицо в тени капюшона, но и, несмотря на мягкое тепло, царящее в чертоге, укутался в мантию. Перо, зажатое рукой в черной перчатке, стремительно летало по бумаге, но вдруг сбилось с ритма, отвлеченное робким стуком в дверь.

– Войди, – негромко бормотнул писавший, не отрывая взгляда от рукописи. Негромко. Но стучавший услышал. Беззвучно распахнулась дверь, и на пороге чертога появилась мрачная фигура в черном клобуке.

– Проблемы. Команда Смайли уничтожена. Приданное подразделение тоже. Артефакт на месте не обнаружен. След взят.

Сидевший за столом медленно поднялся. Скрюченные пальцы с такой силой вцепились в край дорожущего стола из крепчайшего маронга, что казалось, древесина не выдержит. Лопнет. Но...

Встряхнул кистями. Объяснил:

– Писал много. Пальцы затекли. – И без перехода: – Найди его.

* * *

Плотная шаль из цветастого шипаского шелка была так ловко наброшена на молочно-белый фарфоровый плафон светильника, что лицо человека, сидящего за столом, оставалось в тени, а вот лицо его собеседника высвечивалось до самой малейшей черточки. Но тем не менее черты этого лица казались невыразительными. Крайне. Хотя сколько их высвечивай. Да и человек был какой-то невыразительный. И одевался он неприметно. Добротное. Но неприметно. А вот сидел он... Как кот в засаде. Расслабленно. И жутенько.

– Лис, они зашевелились.

– Кто же? – прилетело из-за стола заинтересованное. И голос светский такой. Хорошо поставленный.

– Стражные. И Приблуды эти.

– Миленько, – с расстановкой, медленно проговорил человек из тени. – Сеть?

– Еще вчера набросили, – деловито проинформировали его. И уже восхищенно: – Ну и нюх у тебя!

– Так ведь Лис, – донеслось из тени. Раздумчиво так. – Неводом по Столице пройди. Неводом.

– Неводом? – задумался. – Людей не хватит.

– Можешь взять моих. Возьми руку Севера. – Голос был так же тих и благозвучен.

Глава 1

И вылетел из него практически сразу. Мой лейтенантский организм не подвел. Кувыркнувшись, я сразу вздел себя на ноги. Сначала подумал, что не получилось, но звездный купол не очень походил на потолок. А за правым плечом дернулось что-то черное. Я даже не успел проанализировать ситуацию, а кисть уже крутанула меч, разгоняя его для атаки. Свирепый свист сменился разочарованным гулом, когда мне все же удалось развернуть клинок плашмя. Бить насмерть со спины – это все-таки дурной тон. Даже похитителя вещи, в хозяйстве нужной. Меч разочарованно ткнул по укрытому капюшоном черепу, но разгона его хватило, чтобы вышибить из этого любителя сувениров сознание, и он послушно упал на колени, а потом сунулся рожей в короткую упругую траву. Вы в разведке не служили? Если нет, то быстро охлопывать супостатов не умеете. Я служил. Давно, правда. Но секунд прошло немного, прежде чем дракончики весело заулыбались мне с оправы. Радость встречи пришлось отложить, потому что даже сквозь доспех кожу мне ожгли недоброжелательные взгляды. Мне кто-то был не рад.

Гора дыма еще не опала, а эти кто-то в количестве не менее десяти индивидуев в черных плащах стояли и пялились на меня. Наверное, с их стороны процедуры моего восхитительного появления было не видно. Но вот теперь... Одно из двух: или ребята отличались не быстрой, а я бы даже сказал, замедленной реакцией, или от нахальства моего они просто остолбенели. А потом тот, кто стоял посредине мрачной шеренги, заметно отличающийся от своих коллег размерами и солидным посохом, бесцветным таким голосом сказал:

– Убейте его.

Как же. Зеркало еще падало в карман шинельки, а меч, который я предусмотрительно не выпустил из руки, уже взмыл, раскручиваясь в вертикальной восьмерке. Тивас не зря меня гонял с таким усердием. Вообще-то смертоубийство мне несимпатично, но в жизни я привык руководствоваться третьим законом Ньютона.¹ А поскольку группа встречающих неторопливо двинулась ко мне, доставая из складок широких черных плащей нечто, очень напоминающее ятаганы, то жалеть этих людей, не читавших позднего Толстого, я не стал. Это просто ужас, что может сделать метр хорошо отточенной стали, закрепленной на рукояти с хорошим противовесом. В умелых руках. Это просто оружие массового поражения. Бастард, в отличие от своих более тяжелых полутораручных собратьев, оружие не только тяжелое, разваливающее надвое закованных в доспех врагов, но и оружие касания, а длина клинка частенько делает это касание роковым. Уводишь его просто, на противоходе. А если уж раскрутил...

Они перестали нагло домогаться симпатии, когда потеряли двоих. Задумались. Но не испугались. Рассыпались. Двое попытались втянуть меня в обмен ударами, а остальные собрались окружить. У этих двоих было мало практики. Один поймал животом нож, а второй с серьезным изумлением уставился на вылетающий из его груди меч, которым я сразу на развороте рубанул третьего и, сделав несколько па, вырвался из круга почитателей. После чего с удивлением уставился на свои руки. Я научился драться, но никогда за все время пребывания здесь не убивал с такой ленивой отстраненностью. Похоже, просыпался настоящий Саин. И парнем, как я понял, был он кровожадным. Или многочисленные удары по голове сказались?

Соучастники похитителя уже не делали опрометчивых попыток выполнить указание руководства о моем немедленном побивании. Жить хотелось. Однако ятаганами махали бодро, явно пытаясь отеснить меня от дымного облака. И что характерно, отеснили. Меня это не обрадовало. Дел здесь больше не оставалось. Спертую вещицу я добыл, а бегущий в нашу сторону небольшой ромб рогоглазых по понятным причинам энтузиазма во мне не будил. Тем более дядька, что отдал человеконенавистнический приказ, поднял перед дымной кучей руки, похоже, собираясь прикрыть портал. Намерению его было не суждено сбыться. Из дыма неторопливо вышел Граик и без всякой суеты сунул свою длинную шпагу прямо под капюшон

оператору пространственных переходов. Осмотрелся и легкой рысью направился в мою сторону. Или у моих почитателей глаза были на затылке, или они смерть руководства на ментальном уровне почуяли, но обернулись разом. Я бессовестно воспользовался ситуацией и бросил в ближайшего нож. Удачно. А из дыма показалось мечеобразное острие Высокой Сестры. Вскоре появился и ее владелец. Быстро оценив ситуацию, бережно уложил в мягкую траву копье. Достал из сагайдака лук и стал лупить по рогоглазым. Успешно. Двоих свалил сразу. Улаганы возбудились и очень активно побежали в его сторону. Хамыща это не смутило. Тем более что появившийся из дыма Тивас сразу принял участие в стрельбе. Поднял свой многофункциональный посох и свалил еще одного рогоглазого.

Смущенные столь эффектным появлением моих соратников встречающие, одетые в черные плащи, попытались скрыться. Но двоих сбили стрелы Баргула. А на остальных напал Граик. Seriously раненный при попытке отбить плененных арфанов, он по понятной причине считал их своими личными врагами. И существовать с ними в одном мире отказывался. Что и доказывал со всей возможной убедительностью.

Рогоглазым надоело, что в них стреляют. Они остановились, сбили щиты, присели, и второй ряд влупил по моим друзьям из арбалетов. Так мне вначале показалось. Когда с подставки слетел один из шандалов, я понял, что ошибся. Ребята просто не хотели, чтобы к нам поступило подкрепление. И дым сразу стал прозрачнее. Добившись своего, улаганы не бросились вперед, имея в виду не подставляться под стрелы. Медленно, на этот раз прикрывшись щитами, поползли они в атаку. Хамыц метнул стрелу. С гулом прорезала она воздух и врубилась в щит. Тот качнулся. Но не упал. В коробе довольно зарычали. И тогда Хамыц атаковал. Впервые я видел, чтобы один с таким энтузиазмом набрасывался на множество. Причем множество, закованное в доспехи и идущее в строю. Сначала я решил, что это такая форма самоубийства. Экзотическая. Хамыц так не думал. Баргул тоже. Потому что, подхватив Высокую Сестру, бросился за побратимом. Вмиг певец сорвал расстояние шагов до тридцати, на бегу растянул лук и, остановившись, выпустил стрелу. Черной молнией мелькнула она и до оперения вошла в щит, отшвыривая его вместе с владельцем, а коллеги ее летели с невероятной скоростью, с убийственной точностью находя цели. Убегать было бессмысленно, и улаганы пошли в атаку. Еще троих бойцов поразили стрелы, и Хамыц, отбросив лук, вырвал меч и, как кричит в стаю селезней, ворвался в раздерганный строй. В открывшуюся брешь тут же вломился и Тивас, и сразу клинки его кнопочной глефы, крутящейся подобно мельничному колесу, окрасились кровью. Я бросился было на помощь, но наткнулся взглядом на Баргула, безучастно снимающего тетиву с лука Хамыца.

Увидев меня, он тихо обрадовался:

– Ты цел, самый старший!

– Цел, – бросил я и совсем уж собрался продолжить свое движение, но меня остановило удивленное:

– Куда ты?

– Помочь.

Юный степняк посмотрел на меня с уважением.

– Ты великий воин, коль не насытился сегодня боем.

Это я-то не насытился? Но предложил:

– Надо помочь.

– Кому? – искренне удивился мой собеседник.

– Им.

– Зачем?

Действительно, зачем. Пока мы препирались, Хамыц с Тивасом в прямом смысле слова уничтожали улаганов. Те пытались сопротивляться. Неудачно. Уровень умения был разный. Очень.

– Мой старший давно не дрался в полную силу. От этого он может заболеть. Лежит и песни поет, – с затаенной гордостью сообщил Баргул. – На. Возьми, – протянул мне мой же нож. – Ты только возле дыма шестерых убил. Одного, правда, ранил. Я дорезал его, – успокоил меня друг степей.

Подошел Граик. Как всегда невозмутимый.

– Мой яр. Они должны были встретить одного человека. Ты его убил. – Он помолчал. – И мне показалось, что миссия их была тайной.

– Странно, хотя нам это на руку. Чем дело тише... – начал было я, но осекся. Хамыц с громким скрежетом развалил надвое последнего улагана. Да уж, тише! Эхо схватки еще металось меж трибунами. Оказывается, мы высадились на стадионе.

Граик изучающее смотрел на меня. Потом слегка улыбнулся.

– Ты правда болел. Это же Арена.

Я непонимающе уставился на него. Арена, и что?

– За ее пределами ничего не слышно. Это Арена, – добавил он значительно. – И ночью здесь никого не бывает.

Подшли Хамыц с Тивасом. Доспех из копыт на певуне был порублен, он свою конную кольчугу поверх змеистой одежды натянул. Предусмотрительный парень. А рожа довольная.

– Пусть Артагу служат, – пояснил, а потом заехал по плечу Тиваса. – Наш гуру – великий воин, – сообщил. Нахватался словечек. Шутник.

– Мы где, Тивас? – поинтересовался я.

Тот устало глянул.

– Это Столица, Саин.

Вот же правда. Кто ищет, тот всегда найдет.

– Дела-а-а... Где Унго и Эдгар? – вспомнил я о командирских функциях.

– Они не успели шагнуть, самый старший, – ответил на мой вопрос Баргул. – Вот, – протянул он мне обрубок алебарды нашего рыцаря. Срез был ровный-ровный.

Да, опрометчиво это я. Но хорошо все, что хорошо кончается.

– Баргул, Хамыц, соберите стрелы. Уходим.

* * *

Столица оказалась совершенно очаровательным городом. Во всяком случае, та его часть, которую я в настоящее время обозревал. Приятно освещенные симпатичными фонарями, широкие даже, на мой взгляд, мощенные плиткой улицы. Симпатичные трех- и четырехэтажные дома, в цокольных этажах которых размещались магазины. Или лавки, если вдруг сердцу вашему ближе средневековая экзотика. Или духаны, если, скажем, в связи с происхождением и религией в душе вашей преобладает восточный подход. Доброжелательные дяденьки у дверей, с приятностью улыбающиеся каждому посетителю. Между домами милые глазу скверики, где прямо под сенью деревьев расставлены столы. За одним из них мы и расположились. Фонарики разноцветные в ветках. Уютно донельзя. Люди хорошо одеты. Мужчины при оружии. И женщины, поражающие разнообразием тканей и множеством фасонов. Закрытых и открытых. Коротких и длинных. С разрезами и без. А цвета, а оттенки! Похоже, какой-то единой концепции моды не существовало. Но одеты все отнюдь не бедно. Платья длинные и короткие, со шлейфами и без, декольтированные и строгие – под горло. Одежды мужчин тоже разнообразием поражают. И свободные, и обтягивающие, и шляпы, и тюрбаны, и кожа, и бархат. Ткань простая и вышитая...

Отовсюду слышится музыка, негромкая, бокалов звон. А люди кругом вежливые, на нас и не смотрит никто. Ну оделись люди в черное. Ну и на здоровье! Ну обвешались оружием. Так вон за соседним столом вообще какая-то реклама оружейной лавки расположилась. Даже

в причудливой чалме два кинжала торчат. Но вот на Граика поглядывали. Он надменностью осанки и богатством одеяния, того самого, выданного мне подземной родней, даже среди всей местной тихой роскоши выделялся. Но никто не суетился, пальцем не тыкал, милицию звать не бежал. Сидит себе принц в окружении верного гоарда, пиво пьет.

Я только сейчас понял, насколько устал за сегодняшний, столь богатый событиями день. Руки-ноги – как не свои. Слабость по членам растеклась. А коллеги мои ничего. Сидят, напитки потребляют. По сторонам смотрят. Но вежливо так, ненавязчиво. Амуницию на травку мягкую сложили, релаксируют. Сидят. Вид приличный. Кровищу мы в каком-то фонтане смыли, пока от Арены перемещались. Там вокруг местного стадиона служебные постройки во множестве расположены. Но не трущобы. Чисто, аккуратно. Только безлюдно. Ну а нам это на руку. Свидетелей нет. И на стадионе нас вроде никто не видел. А то, конечно, отсутствие связи с группой порубленных товарищей доказать бы было трудно. Но гражданин Тивас клятвенно меня заверил. Никого. Некий даже не запрет, а древняя традиция не рекомендовала после наступления темноты находиться ни на Арене, ни на территории, к ней прилегающей. И славно. Так что традицию древнюю мы со всей ответственностью подтвердили. Не стоит нарушать заветы предков. Убить могут.

Вывел нас сюда Граик такими партизанскими тропами, что у меня даже возникли серьезные сомнения в законопослушности дядюшки лорда Сагат'Ат. Ну скажите, зачем целому Магистру целого Ордена так хорошо знать освещенные, но безлюдные проходные дворы и площади со странными скульптурами явно нездоровых авторов. Как зачем? А пробежки, укрепляющие здоровье? А беседы при луне с адептами Ордена? Да мало ли что. Гулялось.

Во всяком случае, в эту кафешку Граик нас вывел, как по азимуту. Ни ветка не хрустнула, ни собака не гавкнула. Фигурально, конечно. Не случилось у нас по дороге ни собак, ни веток сухих. Тишина стояла. Какая-то прицеливающаяся.

А почтенного Магистра в заведении знали. Да так, что когда хозяин углядел, какой посетитель завернул в его ресторацию, лицо его непроизвольно вытянулось. Но репутация у Граика была, похоже, хорошая. Улыбку ресторатор соорудил, когда в себя пришел, очень доброжелательную. Без дураков. Радостью сочился.

Так что сидели мы, потягивали сладкий напиток, удивительно напоминающий хорошо заваренный кофе, и наслаждались покоем.

– И какие у нас будут планы? – непринужденно поинтересовался я у друга и учителя. Сергей Идонгович решительно изменился. Теперь, в высоких ичигах, куда были заправлены пятнистые штаны одного из безвременно ушедших улаганов, в своей распахнутой на мощной груди черной хламиде, перехваченной широким поясом, с которого свисали две рапиры, с толстой косой, заплетенной чуть ли не от самого лба, в повязке, укрывающей нижнюю часть лица, напоминал он кого угодно, но явно не ученого книжника.

Мой вопрос почему-то смутил уважаемого гуру. Я не стал лицемерно выпендриваться. Хотел, мол, в Столицу. Вот, пожалуйста. Нет. Мне действительно нужен был хоть какой-нибудь план. Не атаковать же в конном строю Зимний Дворец с целью проникновения в резиденцию Мага и Колдуна и прочая, прочая, прочая Сергея Идонговича Тиваса. Для отправления меня домой. Похоже, не намечалось никаких планов у товарища гуру. Поплыл он чего-то. И у меня тоже в голове не просветлело. Не дело это, вот так, с кондачка, Зимний братъ. Для этого соответствующую революционную ситуацию дожидаться требовалось. А то и создать, потому как имелось у меня серьезное сомнение, что не только юнкера и ударный дамский батальон эту местную цитадель абсолютизма защищают. А кое-кто посерьезнее. Если же батальон дам там засел таких, что в Замке Шарм'Ат свирепствовали, думаю, плачевно закончится такая попытка. Даже с учетом присущего нам героизма.

Спас от неприятного разговора поданный ужин. Хотя и обедали мы плотно, но понесенные серьезные энергетические затраты восполнить было надо. Кормили здесь хотя и не так

изысканно, как у друга нашего, лорда Шарм'Ат, но вполне даже сносно. У нас и в ресторанах так не кормят. Поели мы быстро. Вина попили для снятия усталости. А Тивас все отмалчивается. Стресс. Решил я зайти с другого бока.

– Брат мой, у тебя в Столице, кроме как во дворце, жилье какое-нибудь есть?

– Да, – встрепенулся он, – загородный дом, – и затих, поняв, что ляпнул что-то сану неподобающее.

Поскольку мы в розыске, то именно там, да и во дворце его, пожалуй, ждать и будут. И наблюдение за домами друзей установят. И за посольствами. И за учебными заведениями. И за местами компактного проживания студенчества. Ситуация. Не на улице же спать. Не поймут. Можно осесть в гостинице. Но были у меня достаточные основания полагать, что и отели под присмотром. Очень уж серьезная фигура в розыске. Маг и Колдун. Отпадают отели. «Дворец Ордена Тяжелых Клинков», – всплыла вдруг неожиданная мысль. Ее отмел тоже. В розыске мы оба. Отмел, а потом остановился. Это кто же в нас такой умный? Саин. Ау! Выходи. Сам он выходить отказывался, но мысль подал дельную, обкатать ее стоило.

– Тивас, как тебе Бирагзанг?

Лицо его ожило.

– А что? Интересно.

– Что за Бирагзанг? – спросил Хамыц.

– Волчий Колокол. Город в городе. Там наемники обитают.

– Да кто же их в город пустил, – изумился певун.

Тивас грустно так улыбнулся. Похоже, меланхолия овладевала им все сильнее.

– Давным-давно, когда Столица еще не являлась столицей, со стороны Туманного ущелья выходили волчаки. Какой магией они размножались, неизвестно. Но было их так много и такой они отличались организацией, что представляли серьезную опасность для жителей города. Тогда и поставили на выселках, в устье ущелья, сторожевую башню. А для оповещения жителей города повесили на башне колокол. И назвали его Волчьим, – неторопливо прихлебывая кофе, рассказывал Тивас. – Отправляли туда бойцов из городской стражи. Те еще вояки. Хотя волчаки, строго говоря, тоже воинами не считались, но были их налеты столь ловко построены, что казалось, ими управляет кто-то. Весьма разумный и весьма злобный. Все большие потери несли караулы, отбивая атаки волчаков, пока в некий день одна из смен не пала целиком. И вот тогда городская стража отказалась отправлять караулы к Волчьему колоколу. В Магистрате умных голов всегда хватало. Подумали умные головы и решили нанять для службы у башни Вольный Отряд. Года два продолжалась с переменным успехом борьба с волчаками, пока наемники, призвав на помощь другие Вольные Отряды, не заманили зверей в огромную обложную засаду и не уничтожили всех. И пастыря волчьего достали. Хотя и сами кровью умылись. После этого Магистрат отдал Волчий колокол Вольным Отрядам. В плату и для жителей города сбереженья. Теперь там целый городок. Со своим Советом, законами и даже стражей. Там мы сможем укрыться. Магистрат уважает их автономию и во внутренние дела не суется. Хотя нравы там, конечно... Но попробуй сунься. Если там каждый житель – или ветеран, или боец, или желающий стать таковым. Около сорока тысяч народу там обитает. Тысяч восемь мечей выставить может Бирагзанг. Враз. Ну а если время будет, то и больше. Много больше. Городская стража с ними не связывается и права заходить в пределы не имеет. Только вот... Он на другом конце Столицы.

– Придется рискнуть. Возьмем шарабан, – кивнул я в сторону многочисленных экипажей, снующих по улице. – И поедем.

– Наемники не ездят в экипажах, – подал голос Граик. И все-то он знает.

– А мы не наемники. Ты браннер из Земли Сагат'Ат. А мы – твой гоард.

– Браннеры ездят верхом.

Я хмыкнул.

– Граик, друг мой, покажи мне хоть одного столь рискованного городского стражника, который полезет с таким вопросом к браннеру. Тем более, так шикарно одетому.

– А коса?

– Что коса?

– Браннеры бреют голову, а оставшийся клочок заплетают в косу, – пояснил он мне, темно, кокетливо встряхнув буйной черной шевелюрой.

– А ты у нас оригинал. Будет браннер нисходить до объяснений со стражей. – Знал я про этих буйных забияк только понаслышке, но анекдотов об их гипертрофированном высокомерии наслушался. – Отмашемся, – легкомысленно махнул я рукой.

– Согласен, – обреченно кивнул головой Граик. – Буду браннером.

И вдруг породистое лицо его несколько оживилось. Я обернулся.

К столу нашему двигалось совершенно чудесное видение. Облако белоснежных волос, смазливое томное личико, полупрозрачное одеяние голубого струящегося шелка очень кокетливо обнажает длинные загорелые ножки приятнейших очертаний. Рядом вторая. Смешливая кошачья физиономия, лукавые зеленые глазки, буклированная ткань перчаткой облегает невысокую ладную фигурку. Гости.

– Сколь суровы и мужественны лица этих достойных яров. Может быть, танец сотрет с них печать озабоченности. Как ты думаешь, Ярика, – приятным нетрезвым голосом спросила первая. Нескромно раздела всех по очереди взглядом. Оценила. Остановила взгляд на Граике. В своей усыпанной камнями одежде он даже среди здешнего великолепия выглядел вызывающе.

– Мне нравится аристократ, – наконец объявила она результаты исследования.

– А мне вот тот, малипусенький, – указала ее подруга на Баргула. Баргул покраснел.

– Сагат. Браннер, – представился вставший Граик. Молодец. Сразу в легенду вживаться начал. А барышня ему, похоже, понравилась. Шею раздул. Орлом смотрит. Руку протянул. Неторопливо. Величественно так. Голову склонил. – Прошу принять мое приглашение на тур.

В ответ лукаво блеснули голубые глазки.

– Отказать столь бравому и отважному браннеру... – и еще один взгляд. Добивающий.

Граик явно поплыл, больно уж хороша оказалась чертовка. А еще говорят, сильный пол, сильный пол. В две секунды сделала. Как пацана. Я собрался напрячься, но по здравом размышлении – визит наш случился совсем незапланированным. А врубить сразу машину поиска, всегда на начальных этапах весьма-таки неразворотливую, накинуть сеть на весь город... Очень слабореально. Разве что подстава местных гангстеров. Но вот их я, по зрелом размышлении, не очень боялся. Не та весовая категория. Не по зубам, так сказать, рыбка. Все это я перемалывал, глядя на спины удаляющейся парочки. Честно говоря, не на спины и не на обоих. Высокие каблуки умеющей женщине придают некую соблазнительную неуверенность в походке, которая удивительным образом отражается на амплитуде движений средней части ее организма. Барышня искусством перемещения на каблуках владела в высшей степени, да и средняя ее часть заслуживала всяческого внимания.

– Ну что, узкоглазенький, пойдем, потанцуем.

Вторая швырнула Баргулу столь откровенно провоцирующий взгляд, что я испугался, как бы буйный сын степей не потащил ее сразу в тень. Но нет. Круг общения Баргулу попался хороший. И частнособственнические инстинкты смирять он научился. А заодно и манер соответствующих поднабрался. Вскочил. Ножкой шаркнул. Ручку протянул.

– Почту за честь.

Зеленые глаза мазнули по нему уже как-то раздумчиво.

– Смешной ты. С виду степной, а манеры конта.

И тут Баргул выдал:

– Такая красота любого сделает галантным.

Я чуть вином не подавился. А тинэйджер уже и ручку колесом согнул и девушке под-сунул. Та совсем удивленно головкой покачала, орла нашего кривоногого подхватила и тан-цевать повела. Я смотрел им вслед, и подозрения уверенно возвращались на место. Платье приятно облегло фигурку, изящную, спортивную, уверенно демонстрируя соблазнительные изгибы молодого тела. А червячок ковырялся. С такой прихватистой упругостью ходили уме-лые рукопашники. По молодости. Это потом показная ловкость спрячется, а пока готовность сорваться в прыжок сквозила в каждом движении. Тревожно мне стало. Пора было отсюда убираться.

Оглядел я остатки своего воинства. Тиваса посылать на поиски транспорта казалось рис-кованным. Хамыца – опасным. Он ведь вполне мог воспринять идею оплатить услуги нега-тивно, что привело бы к последствиям фатального характера. Придется идти самому. Сложным мероприятие не представлялось. Что я, мотор тормознуть не смогу? Тем более что экипажей разнообразных конструкций и разной степени разукрашенности по проглядывавшей меж дере-вьев ярко освещенной улице перемещалось великое множество.

– Хамыц, брат мой, ты тут присматривай, а то Граик наш одет очень богато. Как бы жад-ность людскую не пробудить.

Тот в ответ белозубо ухмыльнулся. Не бойсь, типа, отец-командир. И по рукоятке меча так многозначительно щелкнул. Жаль мне стало возможных злоумышленников.

А вот Тивас меня определенно беспокоил. Молчит, грустит. Станный такой у нас пре-мьер-резидент. Ни квартир тебе конспиративных, ни сети людей надежных. Дилетантизм сплошной. Хотя кто его знает. Ну да пусть погрустит до поры. А потом и его задействуем. Контакты ведь, несомненно, остались. А как из них пользу извлечь, это уж мы придумаем.

Я встал и направился к выходу. Кругом уютно так было, благодно. За столами мирно пьют, закусывают. Все такие разные-разные. Но схожие каким-то уверенным спокойствием. Веселятся мирно, чинно. Только от стайки тинэйджеров в радужных, кожаных одеяниях ощу-тимо веет агрессией. Да ладно, молодые еще, самоутверждаются. И смотрят на меня без сим-патии. А на фига она мне, собственно? Остальные нормально так смотрят. Женщины взгляды бросают любопытные. Импозантен я, признаюсь. Мужчины смотрят ревниво. Ну не любит наш брат того, кто выше ростом. На здоровье. Грудь раздую, подбородок задерем, взгляд потяже-лее организуем. Все для вас, родимые. И взглядов поменьше стало, и неприязнь помягчала. Иди, свяжись с таким. Еще и бастард из-за плеча свирепым синим глазом поглядывает.хлопот не оберешься. Так что до красивых, кованых, распахнутых в данный момент ворот добрался я без всяких приключений.

А танцы меня вот местные умилили. Детством повеяло. Когда я в дошкольное заведение ходил, играли мы там в игру. Ручеек называлась. Ну вот, очень похоже.

Тарантасов на улице оказалось действительно много. Разных. В названиях гужевого транспорта никогда я не был силен. Помню только дилижанс, карета и почему-то кэб. Но, думаю, в настоящий момент какого-то значения это не имело. Несколько экипажей стояли прямо у ворот, и я заозирался, решая, какой из них выбрать.

– Благородному яру нужна помощь? – раздалось сбоку.

– Нет, благородному яру надо уехать, – сообщил я, поворачиваясь. Передо мной стоял средних лет мужчина. Кнут на длинном кнутовище, который он держал в руках, явно указывал на его принадлежность к кучерскому сообществу.

– Куда? – полюбопытствовал водила, не отрывая взгляда от серебряного кругляша, соблазнительно перекатывавшегося в моей руке.

– На Волчий Колокол.

– Еще одна такая марка...

– Я что, выгляжу больным? – И спеси побольше в голосе. – Или приезжим?

Дядька смутился.

- Идет.
- Жди здесь, я приведу друзей.
- Достойный яр едет не один?
- Тебя жена из дому за любопытство выгнала?
- Дядька смутился еще больше.
- Но хватит ли места в лире?
- Теперь смутился я. Но виду не подал.
- Покажи свою лиру.

Он мотнул кнутом в сторону некоего сооружения на четырех колесах. Длинная такая штуковина. Кони ухоженные. Судя по наваленным кучам, сытые.

- Сойдет. Жди здесь.

* * *

Народ в ресторации продолжал веселиться. Только танцевали что-то другое. Поклоны, реверансы, приседания. Только вот мальчишек за столом меньше стало. Один из них, увидев меня, встал. Мои пальцы рефлекторно пробежались по рукояткам ножей. У мальчишки на лице отразилось удивление. Потом узнавание, и он как-то неуверенно сел, повернулся к другому, что-то сказал, и оба вдруг склонили головы в поклоне. Я им тоже кивнул. Но поглядел сурово. Сколько у меня знакомых, оказывается.

А вот у стола нашего диспозиция решительно изменилась. Рядом теперь стояли трое юнцов в радужных, обтягивающих костюмчиках. На поясе у каждого висело по родственничку модернизированных дзюгтэ. Тех самых, что прятались под пелеринкой моего плаща.

Хамыц, не вставая, посверкивал белоснежной улыбкой на молодежь. Рядом стоял надутый Баргул. Тивас по-прежнему пребывал в эмпиреях. А вот Граик, похоже, был серьезно рассержен.

А один из юнцов продолжал, скорее всего, начатую ранее тираду:

– ...и поскольку все то время, что достойные яры наслаждались танцем с милыми дамами, означенные студиозусы общества их оказались лишенными и пребывали в тоске и грусти, надлежит достойным угостить означенных студиозусов со всей возможной щедростью.

Детки приблизились вплотную к смерти. Просто Хамыц, заслушавшись чеканными периодами, еще не понял, что подвергся вульгарному вымогательству. И зная его нелюбовь к различным попыткам ограничения свободы воли, последствия представить было несложно. А вот Граик все понял. Баргул тоже, поскольку попытки запустить руку в его карман, причем высказанные на любом языке, понимал сразу, воспринимая их как личное оскорбление. В данный момент симпатией к гостям он не пылал.

– Если же достойные не пожелают возместить ущерб от душевных страданий означенным студиозусам, то нашим братством нам доверено вызвать любого из достойных в Круг, который благородный хозяин заведения сего представить обязан согласно эдикту Блистательного Дома «О поединках».

Этот молодой дурак явно выбрал не тот объект для вымогательства. Кого, интересно, он хотел удивить вызовом.

– А о чем, собственно, речь? – невинно поинтересовался я.

Средний обернулся. Приятный такой парнишка лет восемнадцати. Фехтовальное сложение, лицо породистое. Глаза наглые, веселые.

И на радужной одежке восемь изумрудных пуговиц лукаво улыбаются моим синим. Но вот то, что произошло потом, стало весьма неожиданным.

Он бросился меня обнимать. И двое других тоже обниматься полезли.

– Прекратить, – негромко пресек я проявление чувств.

Детки отлипли, встали в строй, но начальство взглядом есть не перестали.

– А нам сказали, что вы погибли, мастер, – пожаловался старший. И сразу перешел на официальщину. – Орден Радужный Змей счастлив приветствовать вас, мессир.

Час от часу не легче.

– Мы узнали магистра Граика и, помня о вашей с ним вражде, решили вызвать его.

– Хорошо, что не успели. Магистр Граик ныне воин моего гоарда.

Во взглядах разгорелось восхищение.

– Разрешите и нам, мастер.

– Чего разрешить? – не понял я.

– Ведь вы гоард собираете.

– Спокойно, – пресек я добровольческий энтузиазм. – Сейчас мне надо уехать. Срочно, – веско добавил, прочитав в глазах готовность следовать хоть к черту на рога. – Где отыскать вас?

– В фехтовальном зале «Радужный Змей», в квартале Ахуров, мастер.

– Баргул.

– Да, самый старший.

– Подкинь деньжат студиозусам.

Глава 2

Помните старый анекдот, как американцы Ленина оживили. Вышел он на балкон небоскреба, оглядел хозяйским взглядом Нью-Йорк и сказал:

– Именно так я себе коммунизм и представлял.

Вот и я так же. Только не оживлял меня никто. И так живой. А что представлял? Так Средневековье и представлял. Еще со школы помню жуткую историю про то, как некий рыцарь, еще и на коне, посреди города, какого не помню, в нечистотах утоп. Попросту говоря, в дерьме захлебнулся. А живописуемое некоторыми авторами содержание ночных горшков, выплескиваемое прямо на улицу, а попадающее почему-то в героев романов, причем как хороших, так и плохих! Воняло там, у этих авторов, наверное ужасно. Темень, бандюги. В общем, почти никакой романтики. А я умный. Средневековье себе именно так и представлял. Чистенько, улицы освещены, дороги широкими каменными плитами мощены, да так ловко, что при езде даже стыки не чувствуются. Народ по тротуарам прилично, хотя и очень разнообразно одетый фланирует. Дома многоэтажные. Светятся. А на первых этажах почти в каждом из них витрины огромные огнем горят. И чего в тех витринах только нет! Регулярно приходилось хватать за ремень то Хамыца, то Баргула, которые с варварской незатейливостью все пытались сбежать и посмотреть. Как деток их уговаривать приходилось. «В другой раз, в другой раз».

А карет сколько! И открытых, и закрытых. А взгляды любопытные так за нас, неожиданных, и норовят зацепиться. И улыбки такие многообещающие. А сколько народа по тротуару фланирует. Смеются, на ходу выпивают, закусывают, друг на друга глазуют. То мужчины на чем-то вроде гитар наигрывают, то барышни, смелые такие, в ответ под мандолину напевают. Причем явно нескромное что-то. Потому как хохочут, явно смущение скрывая. Люди в двери кабачков ныряют и повеселевшие оттуда выныривают. Карнавал!

И тем чужероднее смотрятся торчащие на перекрестках тройки закованных в сталь верховых. Мало того что кажутся они в этом половодье цвета и веселья совершенно лишними, так, похоже, и сами они слабо представляют, зачем их здесь поставили. Действительно, бредовая идея – возложить полицейские функции на панцирников. Идиотизм.

Но brave вояки времени зря не теряли. К армии здесь, похоже, относились с любовью. И проявляли свои чувства с энтузиазмом. То вина кто поднесет, то вкусенького чего. И вояки, само собой, солдатскую сметку проявляли. Усы браво крутили, барышням игриво подмигивали, с самыми языкастыми перешучивались. Так что на выполнение функций полицейского характера времени у ребят не оставалось. Задерживать нас, в общем-то, не пытались, хотя взглядами бдительными порой провожали.

Проблему составлял Хамыц. С невероятной настойчивостью поднимал он Высокую Сестру, утверждая, что ей тоже хочется вокруг посмотреть. Конечно, наделение оружия чертами человека – штука хорошая, но, согласитесь, наше транспортное средство со стоящим торчмя, украшенным развевающейся бахромой копьем смотрелось несколько вызывающе. Так что сложности я ожидал. И проявиться они не замедлили.

Троица вояк, с которыми мы поравнялись, отличались от предыдущих прежде всего возрастом. Все трое лет под пятьдесят, длинноусые, лица в шрамах. Широкие плечи привычно несут тяжесть доспеха. Взгляды спокойные, прицеливающиеся. И старший лютыми синими глазами за Высокую Сестру сразу зацепился. И уже не отпускал. Сказал что-то негромко, коня тронул, и тройка, не торопясь, в нашу сторону двинулась.

Рассматривал я воинов с большим интересом. Как же. Панцирная кавалерия Империи. Опора Блистательного Дома.

Прежде всего кони. Таких рослых я еще не видел. Короткошеие, длинноногие, мощногрудые, они больше походили на лосей, правда с удаленными рогами. Впрочем, украшающий

кованный налобник острый штырь вполне мог заменить означенный элемент антуража, являя собой оружие значительно более эффективное. Вся шея и грудь укрыты сложным пластинчатым доспехом, бока спрятаны под кольчужной попоной.

Сами воины облиты пластинчатой сталью полностью. Небольшой круглый щит с длинным умбоном на левой руке и стальная родственница Высокой Сестры в правой. Только без живописных лохмотьев, а с аккуратным прапорцом под солидным мечеобразным навершием. Кривой, широкий, удобный в лихой кавалеристской рубке меч. Короткая секира закреплена на правом боку коня. Округлые шлемы с откинутыми до поры глухими забралами.

Возница наш, похоже, взгляд воина почувствовал и потихоньку так коней придерживать начал. Старший аккуратно длинное копьё на оглоблю положил, и понятливый кучер натянул поводья, останавливая повозку.

– Хороший парень, – обрадовался старший и копьём легонько так кучера под подбородок шлепнул, чем вызвал одобрительное хмыканье Хамыца. Довольная улыбка тронула губы старшего, но глаза быстро построжали.

– Кто такие? – сурово спросил он.

Я воспитанно молчал, потому как по легенде пребывал в состоянии подчиненном. Но, впрочем, вмешательства моего не потребовалось.

– Сагат. Браннер. – Холодом повеяло так, как будто в центр Столицы перенесли Северный полюс. А взгляд был, похоже, настолько нежаркий, что даже выдавший виды старослужащий руководитель патруля слегка загулял взглядом. Граик мотнул в нашу сторону подбородком. – Мой гоард.

Вояка слегка ожил. Дала знать о себе извечная антипатия регулярных войск к наемникам и прочей иррегулярной публике.

Эх, нет чтоб нам всем в браннеры записаться! Хотя, впрочем, реально существовала возможность проколоться на разных мелочах, нам, приبلудным, в этом мире, неизвестных.

– Гоард, – довольно протянул усач. – И кто у нас в гоарде?

– В чем дело, воин? – Холода в голосе Граика прибавилось.

– Достойного браннера не удивляют патрули на улицах Столицы?

– Нам, берегущим границы Империи, традиции городов известны плохо. На въезде Привратная Стража в обмен на пошлину дала нам это. – В протянутой руке появился свиток, который старший со всей почтительностью подхватил.

– Зря, – коротко усач бросил. – Гвардию на улицы так просто не выводят.

– Мы нарушили закон? – поинтересовался Граик.

– Сейчас узнаем, – теперь уже холодом повеяло от слов старшего.

А я в процессе их доброжелательного общения все сидел и думал, откуда у нашего Магистра такие приятные и полезные знакомства. Зная высокие моральные качества Граика, а также его повышенную требовательность к окружающим, я просто не мог поверить, что он согласился бы на приобретение некачественной подделки. А квалифицированная работа не только дорого стоила, но и требовала наличия достаточно интересных контактов. Причем хорошо устоявшихся. Правда любопытно. И это все под флагом того, что я вроде как неформальный лидер банды хулиганствующих студентов.

– Яр Фарадо, – оторвал меня от размышлений голос усача. Похоже, меня. И догадка сразу подтвердилась. – Эспадрон. Полутораручный.

Я сделал дяде ручкой.

Дядя сурово измерил меня взглядом. Плечи оглядел. Свои тоже на всякий случай раздул.

– Предъяви боевое оружие.

И меч с готовностью прыгнул в ладонь. Наверное, чересчур быстро, потому что усач слегка отшатнулся. Когда разглядел клинок, даже присвистнул. Двое его компатриотов выразили свое одобрение сдержанным ворчанием. И меч спрятался в ножны.

– А остальное?

– Дорожное оружие. – Ответ прозвучал довольно непринужденно.

– Столько?

– Мне хватит, – добавил я приторности в голос. За что получил совсем неприязненный взгляд. Тяжелый.

– Мы не встречались, достойный яр?

– Не припоминаю, – честно признался я.

Старший еще пару секунд давил меня взглядом. Потом уставился в свиток.

– Вольный воитель Хамыц.

И тот сразу заблистал улыбкой во все тридцать два зуба. И улыбка получилась столь заразительной, что суровый воитель не смог не улыбнуться в ответ. Но по мере прочтения текста улыбка постепенно сменялась выражением удивления.

– Копье, эспадрон, большой лук. – Потом последовал перечень стрел. – Щит, малый меч. – Усач оторвал взор от свитка и недоверчиво спросил: – И всем этим ты владеешь?

Улыбка Хамыца стала еще шире.

– Испытай.

Дядька мужчиной выглядел серьезным. Иному, пожалуй, в Гвардии до таких лет не дожить. Запустил руку в пузатую переметную суму, полную от приношений добрых горожан, и выудил оттуда яблоко. Отхрумкал от него кусок, неторопливо прожевал и, швырнув вдруг в воздух, негромко сказал:

– Копье.

Высокая Сестра до этого момента любовалась окрестностями со всей высоты своего трехметрового роста. Теперь же скользнула в руке, упершись клинком в кулак, и, невесомо порхнув вверх, встретила яблоко, аккуратно разделила его на две половины, отбросила одну в сторону и, придерживая вторую, надкусанную, клинком мягко уложила ее в ладонь старшего. А первая хрястко влипла в ладонь Хамыца, и тот сейчас же вонзил в нее свои белые зубы. Хрумкнул.

– Спасибо. Хорошее, – вежливо поблагодарил.

– Умелец, – подтвердил старший. – У тебя хорошие воины, достойный, – порадовал он Граика. На что тот кивнул головой. Милостиво.

– На лук фирман имеется?

– Красивая такая бумага? Есть. Да, – обрадовался Хамыц.

– Верю на слово.

– Вольный воин Баргул.

Наш тинэйджер вежливо приподнял попку со скамьи.

– Секира, щит, лук, стрелы, малый меч. А ты не слишком молод?

Баргул улыбнулся. Не видели, как степняки улыбаются? То ли рад тебе, то ли укусит вот-вот. Сложное такое зрелище. Многоплановое. Его тактико-технические данные усач проверять не стал. И про фирман не спросил. Умел внушать симпатию наш малыш.

– Айгур Каймат. Боевой шест, – глянул на закрытое лицо Идонговича и, построжав, потребовал: – Убери тряпку.

Лучше бы не просил. На него такая драконья рожа глянула, что ветеран разве что не перекрестился.

– У тебя сильный гоард, достойный браннер. Куда следуешь?

– В Бирагзанг. Мне сказали, что Столице нужны воины.

Лицо воина затвердело.

– Это так. Проезжайте.

У следующего перекрестка я украдкой оглянулся. Троица уже заняла исходную позицию. Ветер лениво шевелил прапорцы с изображением алого утеса. Все же как мило. Гвардия на улицах Столицы. Но пронесло.

– Господин, – окликнул я Граика, потому как других местных синонимов слову командир не нашел, – а правда, почему Гвардия на улицах?

– А ты вот у кучера спроси, – посоветовало временное руководство.

– Эй, отец, что в Столице сурово так стало? – сразу исполнил я данное указание.

– Вы мне это, достойный яр? – повернул кучер удивленную физиономию. Похоже, наша беседа с патрулем произвела на него впечатление. Смелые все такие. А уж грозные-е-е!

– Тебе, тебе, – окатил его улыбкой Хамыщ, – вежливый у нас достойный яр.

Кучер слегка успокоился.

– Так ведь мятеж в Столице.

Вот те раз!

– Поподробнее, – скрежетнул я. И кучер довольно затарахтел.

Взбунтовался полк Серебряные Плечи. И когда я опять уж собрался продемонстрировать свою глубокую провинциальность, перед мысленным взором возник непристойно широкоплечий воин в бригадине, украшенной длинной кольчужной юбкой, в глухом ребристом шлеме с большим прямоугольным щитом и недлинной, но внушительной алебардой. Из-за плеча его выглядывала металлическая рукоятка еще какого-то оружия, укрытого кряжистой фигурой.

А потом в голове у меня зазвучал голос. Сначала я решил, что это или какие-то новые выкрутасы Тивасова ожерелья, или я окончательно сошел с ума. Но оценив полученную информацию, с радостью понял, что это мой сожитель по телу. Очевидно, осознав, что столь постыдные незнания общеизвестных сведений могут принести вред нашему общему организму, он решил начать восполнять пробелы в моем образовании.

Серебряные Плечи – это Дворцовая Гвардия, столетиями оттачивающая умение биться в коридорах резиденции и исключительно для этого предназначенная. Воинов в это подразделение издавна рекрутируют среди жителей Погорья. А те за столетия соседства с Подземными Рудокопами так активно перемешали с ними кровь, что, как полагал Саин, вполне могли считаться одной из их Семей. Подземные, кстати, сугубо выделяли погорян среди людей. А уж как они чтят родню, даже дальнюю, я знал. Потому-то такой непоколебимой и являлась стена щитов Серебряных Плеч. Так добросовестно неистово бросались они в бой. Из-за того и не заставляли их биться Императоры нигде, кроме коридоров и помещений, именно там были они непобедимы. И прежде не один мятежный лорд или барон опускал бессильно руки, когда в разбитые ворота его замка вползала окованная сталью змея Серебряных Плеч. В линейной армии, конечно же, имелись аналоги этих подразделений, но их воины натаскивались исключительно наставниками из прославленного полка. Вот такой вот экскурс. Выдав необходимые сведения, Саин умолк.

А кучер продолжал тарыхтеть. Когда Серебряные Плечи вывели из Зимнего Дворца и направили служить в Железный Порт, не в Медный, не в Золотой, а именно в Железный, хотя это и противоречило правилам, потому что там службу несли Оранжевые Крабы, они промолчали. Слово Блистательного Дома.

Перед глазами послушно образовалась картинка слегка кривоногого коренастого мужчины в оранжевом панцире со вздернутыми надплечьями, действительно придававшим ему сходство с упомянутым членистоногим. С узким кривым мечом у пояса, вторым таким же за спиной, с пристегнутыми к голениям клинками, с веселеньким оранжевым щитом на левой руке мужчина производил несерьезное впечатление. Станный пластинчатый доспех покрывал плечи воина. Какая-то ракушка на голове. И четко выраженная спецназовская рожа. Морская пехота – идентифицировал его я.

Промолчали Серебряные Плечи, и когда был арестован весь командный состав. Как же. Слово Блистательного Дома! Но когда позавчера им в качестве командиров попытались навязать этих... Кучер слегка запнулся. Улаганов... Они возмутились. По древнему договору ими командуют сородичи. Или распускают. Слово Блистательного Дома оказалось нарушенным, и

они посчитали себя свободными от древней клятвы. Мятеж. Сначала на них хотели спустить Бойцовых Котов. Но тогда заволновались Оранжевые Крабы. Известная своим необузданным нравом морская пехота издавна набиралась на Крабьих островах, и среди погорян у них имелось много родни. А родню они любили. Провинция. Тогда в Железный Порт ввели кавалерию улаганов. Это чужаки, им не о ком думать. Но Серебряные Плечи не приняли боя. Ушли в катакомбы. Под Столицей они тянутся на мили. Туда конечно никто не сунулся. Все знают, что погоряне Подземным Рудокопам родня, да никто и не хотел проверять, утратили ли они за годы спокойной жизни свое боевое умение.

А ночью они пробили фундамент Плачущей Башни и увели своих командиров.

Народ взволновался. Жители Столицы издавна имели право указывать Блистательному Дому на недостатки управления. Улаганов на улицы выводить не стали. Чужие они. А жители Столицы, как и везде в Империи, воинские сборы проводят регулярно. Оружие в каждом доме. И не повидать друзей по отряду в означенное время просто стыдно. Так что для успокоения народа, да и чтобы показать, что все в порядке, на улицы города вывели всеми любимый Алый Утес. Но беспокойно в Столице, и в казармах недовольны. Серебряные Плечи – полк заслуженный. Нехорошо так. Стыдно. Ах, да. И боевое оружие без фирмана держать вне дома рескриптом запрещено. Так что хорошо, что не арестовал вас патруль, – заключил словоохотливый таксист.

Да, действительно, добрый дядя. А ведь зарезать мог. Интересные друзья у Граика. Не знать о рескрипте они не могли. А на прямое столкновение с властью нас направили. А я, оказывается, все это время удивленные взгляды людей за восхищенные принимал. А может, и восхищались. Этакая акция неповиновения.

– Сброю на пол, – шепотнул.

Команду исполнили живо. От греха подальше.

Глава 3

Тот, кто придумал устроить здесь базар, был человеком с хорошей фантазией. Ведь на самом деле этот Бирагзанг оказался крепостью. Совершенно верно. Крепостью если не посреди города, то, во всяком случае, непосредственно в его черте. Сначала, когда наша повозка покатила вдоль глухой стены, увитой неким цепким растением, успешно покрывавшим высокие, в четыре человеческих роста, стены какого-то сооружения, увлеченный беседой с Граиком я на означенное сооружение внимания особо не обратил. Но коляска катила и катила, а укрытые веселой зеленью стены все не кончались. Между тем характер строений напротив них изменился. Исчезли четырехэтажные дома, что встречались нам прежде. Они сменились одноэтажными строениями совершенно прикладного, торгового назначения. И хотя витрины этих магазинчиков были столь же щедро освещены, как и окна их собратьев, но этажность свелась к единице. А стены с другой стороны дороги не давили, нет. Просто высились. И на стенах этих регулярно мелькали тусклые серые шлемы прогуливающейся туда-сюда стражи. Да и поросль, покрывающая стены, оказывается, не цеплялась упрямыми корешками за щели, настойчиво нарушая кладку. Волею некоего, несомненно талантливого флориста, она вилась по затейливой веревочной сетке, закрепленной по верху стены. Меня истерично стали терзать смутные сомнения, что в случае нападения где-то кто-то дернет хитрый узелок и сеть мягко опустится на землю, открывая серые суровые стены, или с нежным шелестом листвы быстренько шлепнется под весом агрессора, имобилизуя незадачливых злоумышленников. А уж камнем да по такой вот слабоподвижной цели промазать, пожалуй, грех.

И ворота у той крепости были солидные такие. Стальными полосами окованные. И две башни привратные. И стража наличествовала, что одуревшие от безделья рожи к древкам алебард прислонивши стояла. Все было.

А даст тот фантазер командочку тихую. Повынимают из-под фартуков разноцветных ножики острые и порежут опухшую от пива стражу купцы энергичные.

И ворота захвачены. А ворота, как известно, к крепости ключ.

Или наоборот. Надумают люди злобные пакость против крепости, а люди торговые тут как тут. Не трожьте, так сказать, клиентуру. Торговать не мешайте. И прилавки в продуманном таком беспорядке стоят. Ну никак верхом не промчатся. А Хайгард тут в единственном числе. Вот он бы смог. Танком бы пропер.

Так вот я и умничал, пока мы к воротам подъезжали. Подъехали, и кучер расчет потребовал. До места назначения доставил, а вот внутрь ехать отказался. Там-де свой транспорт есть. А ему туда нельзя. Побьют. Конкуренция. Мужчину, своим длинным кнутом похожего на чумака, мы не обидели. Денег дали. Поучаствовали в становлении гужевого транспорта Империи.

Местная охрана явно проигрывала Привратной Страже Тулгакау. На нас лентяи прореагировали, как гаишники на пустой КАМАЗ, и мы дружно вступили под сень могучих стен.

Только скоро выяснилось, что грешил я на руководство местного гарнизона зря, потому как за воротами пообок мощеной дороги так же уверенно высились стены. И бодрые, румяные физиономии молодцов, что торчали между зубцов, сонными отнюдь не казались. Деятельные такие лица. И острия дротиков, синевато так отблескивающие в местном освещении, намекали на свою сугубую наточенность. Надурили. Вывеска – фигня, а конфетка хорошая. Но кому как. Проломишься сквозь базар, а тебя с двух сторон попотчуют. И вторые ворота в торце этого коварного укрепления имелись. И с учетом широкого применения магических технологий, думается мне, закрывались они куда как быстро.

И у ворот тех стоял дядька, суровой рубленой физиономией напоминающий старослужащего прапора из вэдэвэшной учебки. Хотя наряжен был мужчина в длинную кольчугу мелкого плетения и кожаные штаны, заправленные в сапоги, ловко усыпанные металлическими бляш-

ками, а не в камуфляж, похоже, уровень въедливости его от нрава упомянутой личности ничем не отличался. Ладони, обряженные в кольчужные перчатки, держал он у пояса, совсем рядышком с рукоятью широкого меча и ловко уместившегося в кожаной петле аккуратного топорца.

Портье на нас сурово посмотрел и глухо рыкнул:

– Цель прибытия?

Из беседы с Тивасом известно мне было, что вообще-то подобная строгость в этом прибежище шумных наемников не присутствовала. Поэтому в качестве индикатора пришлось использовать породистую физиономию Граика. И взгляд на нее, несколько удивленную, привел меня к выводу, что что-то не так.

– Брат-храбрец, – в голосе Магистра скользнула обида, – не ошиблись ли мы? Это ли Бирагзанг, приют вольных мечей?

– Это, – не менее сварливо согласился дядька.

– Я Сагат, браннер. Это мой гоард. Мы пришли пожить здесь. И предложить свои мечи достойному нанимателю. Или это запрещено ныне? Или Вольный Город Бирагзанг перестал быть вольным?

Настороженность в льдистых глазах не пропала, но к ней что-то примешалось. Смущение, что ли?

– Через какие Ворота прошли? – спросил он чуть менее напористо.

Граик зыркнул глазами по сторонам и негромко ответил:

– Через Медвежи. – И хитро так это пальцы на рукояти даги сложил. Ох, и многолик наш Магистр!

А Медвежи Ворота, как мне опять же стало известно из беседы с ним, в отличие от других, охраняемых полком Карратам настенной стражи Столицы, издавна Вольные Отряды держат. Привилегия.

– Откуда браннер знает, как должно спать пальцам? – Взгляд льдистых глаз опять построжал.

Граик слегка повел плечами. Тонко улыбнулся.

– Я не сразу стал браннером.

И заработал довольную ухмылку в ответ. Правая рука отпустила топор и развернулась ладонью вверх.

– Фирман.

Граик аккуратно вложил в нее наш коллективный паспорт.

– Добро, – проворчал дядька, изучив документ. – И как это вы с боевым оружием сквозь столицу прошли? Рескрипт ведь.

– Везде люди есть, – опять тонко улыбнулся Магистр.

– Везде, – опять ухмыльнулся портье. – В «Сломанный Меч» идите. Вербовщиков сейчас много. Много мечей кому-то понадобилось.

Мы уже совсем двинулись, когда дядька слегка тронул Граика за рукав.

– И прости, брат-храбрец. Время смутное.

– Зачем прости? – белозубо сверкнул Хамыц. – Сменишься, сам в этот «Сломанный Меч» приходи. Вино пить будем.

– Приду, – теперь уже улыбнулся дядька. – И вот еще. Боевое-то от греха сдайте. Там у хозяина добрая оружейня есть. Рескрипт, – уже как-то виновато добавил.

* * *

Уж не знаю, почему хозяин выбрал такое романтично-печальное название для своего заведения, может, грустные воспоминания какие. Но вот икебаны из оружия, причем совершенно целого, прямо указывали на некоторую милитаризованность владельца этого пункта

общественного питания. Мечи, секиры, копья, щиты, топоры, клевцы, кинжалы, сабли, алебарды и еще серьезное множество предметов весьма угрожающих очертаний, чьи названия мне неизвестны, в хорошо продуманном беспорядке покрывали почти всю поверхность бревенчатых, потемневших от времени стен. Причем оружие все было добросовестно заточено и смазано. Я проверил. Тивас украдкой ткнул меня в бок, но порезанный палец залечил.

Однако душа хозяина, как видно, пребывала в исканиях, потому что там, где на стенах отсутствовали составляющие колюще-режущего арсенала, их украшали милые пасторальные пейзажи. Очень хотелось посмотреть на человека со столь сложным, многоплановым характером.

Но при всех ожиданиях действительность таки оказалась несколько шокирующей, потому что владельцем оказалась тетенька. Нет, пожалуй, не тетенька. Тетушка. Только вот в пару метров ростом. Попадья этакая. Но с талией. А на широченных бедрах пояс кожаный, окольчуженный. Очень с белоснежной юбкой гармонирует. За поясом, на широкой узловатой цепи, связка ключей размеров куда как внушительных, еще и с шаром кистеня, стесанными такими гранями украшенным. А в целом милая такая тетушка. И грудь – двумя горами белой пены в смелом весьма декольте, хотя и стыдливо кисеей прикрытая. Искристой такой. Высится. Монбланы. Два. Лицо доброе, румяное. Две ямочки на щеках смешливые, губы сочные. Возраст разве что паутинка морщинок мелких, но заметных выдает. У глаза. Одного. А второй щитком золотым закрыт. Изящной чеканкой, камешками разноцветными украшенным. Волосы то ли белокурые, то ли седые, из-под кики, богато жемчугом расшитой, непослушно выбиваются.

Книксен сделала. Монбланы зазывно этак всколыхнулись. Представилась. Хозяйка-де. Кривая Марта. Только люди добрые, а гости новые к таковым, несомненно, относятся, ее просто тетушкой Мартой называют. А глаз голубой, безмятежный, нас всех как рентгеном высветил, раздел, одел, оценил. А за смешливой безмятежностью умело так опыт прячется. Горький, наверное.

– Что яры достойные желают? Что попить, поесть, наняться – это, конечно, ясно. Но вот чего попить, сколько поесть и к кому наняться? И места свободные есть.

Гулковатому щебетанию местной Брунгильды явно чего-то не хватало. И я быстро понял чего. Жизнерадостного голоса нашего певуна, который с женским полом мосты наводил стремительно. А вот сейчас молчал. Я на него искоса так глянул. Молчал он не просто. Восторженно. Восхищенно. Благоговейно. А тетенька все чаще свой лазер на него переводила. И глаз помягчал. Потек. Любят женщины, даже столь величественные, такие взгляды. Я все ждал, когда тетушка Марта к вопросам разоружения перейдет. И перешла. Но как! Слова о рескриптах не сказала. Просто «Сломанный Меч» – заведение для отдохновения, и в нем не принято, понятно, не принято, чтобы достойные гости отягощали себя грузом боевого – только лишь его мои слова касаются, отважнейшие – оружия. А что до дорожного, так хоть весь им обвешайся! Да и не поймет здесь никто человека, оружием себя не украсившего. Народ-то все больше слухивый, лихой.

Критерия, определяющего понятие боевого оружия, я так и не уловил. То, что у Хамыца изъяли его Высокую Сестру, которую с материнской нежностью приняли добрые руки тетушки Марты, – «И у меня, сынок, была похожая сестрица!» – это понятно. И лук, и стрелы, и щит. Но вот на его здоровенную заплечную клеймору не посягнули. Уважительно так глянули, и сама хозяйка, и двое увешанных оружием здоровяков, что располагали на ночлег оружие гостей. А вот с меня бастард содрали. Ко всему же остальному арсеналу отнеслись совершенно наплевательски. Тиваса, того так совсем не тронули. Ну посох, ну рапиры. Вооружение Граика, несмотря на его явную общественную опасность, совершенно проигнорировали, хотя один из дядек и хмыкнул многозначительно, подтолкнув другого: «Гляди-ка, клинки-то орденские!» За что награжден был мрачным взглядом и мгновенно заткнулся. А вот вооружение Баргула

полностью признали боевым. Но если с луком, стрелами и щитом он расстался, хотя и с некоторым ворчанием, то секиру сдавать отказался наотрез. Не помогли ни увещевания тетушки Марты: «Тебя же первый патруль возьмет», ни анализ, выданный одним из дядек: «Она ж боевое... тьфу... боевая». Даже Хамыц, на секунду оторвав взор от прелестей нашей хозяйки, укоризненно посмотрел на младшенького. Ничто не повлияло на точку зрения упрямого сына степей. Сапеллировали ко мне. Ну не мог я у ребенка игрушку отобрать. Но вердикт вынес:

– Из дома ни ногой!

За что и получил очень благодарственный взгляд тинэйджера.

– Но на виду ее не держать, – посуровела взором тетушка Марта и тут же заклохоталась: – И как же дитю без оружия, заклюют же, вороны. – Глянув на меня как на самого умного, добавила. – Засмеют.

Но малыш тут же успокоил ее, украсив пояс четырьмя извлеченными из хурджина кинжалами.

– Домовитый какой, – умилилась хозяйка.

Потом нам были представлены выделенные каждому двухкомнатные апартаменты. Чистенько, аккуратно. Водопровод, клозет.

– Ворья в Бирагзанге не водится, достойные, а уж у меня и подавно. С таким-то фирманом, – добавила, пронзительно глянув мне в глаза своим голубым лазером.

Я в ответ сделал очень значительное лицо на тему «Полная тайна вкладов», а сам подумал, что предстоят мне два любопытных разговора с парочкой моих верных соратников. Раньше события все как-то несли, не до того было. А вот сейчас самое время. Пора брать власть в свои руки. Самому в интриги поиграть. А то партизанщина какая-то! Премьер-резидент таинственный, пальцем сделанный, магистр с повадками криминально-шпионского характера, группа юных гангстеров. Некий сумбур в ситуации проглядывает, вы не находите, господа?

* * *

Не помню, кто сказал, что стиль барокко – это роскошь, доведенная до вычурности, но действительности изречение соответствует. И нравится очень. В смысле, стиль. Инженерная мысль, во всяком случае, в ее водопроводном аспекте, и здесь, и у нас, похоже, развивалась параллельно. Но если у нас в какой-то момент восторжествовал аскетичный рационализм, то вот здесь, судя по всему, идеи утилитарного примитивизма не прижились. Как, впрочем, и идеи экономности во всем. Так что если комнаты действительно были обставлены простенько и со вкусом, то ванная комната просто поражала сантехническим сибаритством.

Во-первых, размерами помывочная никак не уступала спальным, а те при декларированной уже скромности малостью размеров никак не отличались. Во-вторых, стены и пол покрыты малахитовой плиткой. И ванны. Скорее, бассейны. На толстых, покрытых патиной лапах какой-то агрессивной птицы. Я не силен в геологии. Но похоже на оникс. У папы когда-то такая пепельница была. Большая. Но значительно меньше. И теплая желтизна крана и изогнутой трубы душа. Меня от восторга передернуло. Даже в замке Шарм'Ат я такого не повидал. Покруче. И так здесь все ностальгично. Прямо сердце защемило. А на полочке флакончиков... помню, дома все ворчал на жену, зачем-де столько. Ужас, как все-таки по своим соскучился. Но пользоваться жизненными благами надо по мере поступления, потом на них элементарно может не хватить как времени, так и возможностей. Так что, отодвинув грусть в сторону, я щедрой рукой сыпанул и ливанул в ванну из бутылочек и крутанул шикарный, вычурный кран, с красной нашлепкой. Действительно, сантехники мыслят одинаково, и из него широкой волной плеснула горячая вода, ударила в жидкости и соли, взбила пену и, перемешивая ее, погнала по ванне.

Разделся и полез в воду, но не забыл предварительно положить возле ванны корт и пару метательных ножей. Фильм «Злой, плохой, хороший» помните? Так вот в нем такая предосторожность одному из героев, не помню, то ли злому, то ли плохому, жизнь спасла.

Горячая вода мягко обхватила тело, изгоняя из нагруженных за день мышц напряжение, расслабляя. Нет, все же в ряде технологий моя цивилизация, она да! Главенствует. Ну или, во всяком случае, идет голова к голове. А вязкая усталость уходила, вымываемая мягким упорством водички. Готовность к атаке уходила, мягко накатывала дрема. Уже замелькали какие-то картинки, намекающие на наступление крепкого сна, я знаю, что в ванне спать вредно и даже опасно, но зато как приятно. И вдруг по полу дробью застучали каблуки. Нет, ну какого же? Дверь вроде запер. Да, запер. А в ванной появилось.... Даже не знаю, как сказать. Если бы у свинок существовал рай, то это, скорее всего, служило б там ангелочком. Пузатенькое, сисястенькое, крепконое, круглорукое. И на лице все кругленькое. И носик, и губки, и глазки, и щечки. Кудряшки беленькие.

Откашлявшись со сна, я спросил:

– Тебе чего?

– Хозяйка послала плечи помять.

– Ты как в апартамент попала? – уже проснувшись, возмутился я.

Продемонстрировав ключи, создание успокоило:

– Дык, через дверь. Так плечи-то мять? – И начала снимать с ноги деревянный башмак. Я же с интересом разглядывал бесцеремонную барышню. Умна, конечно, тетушка Марта, на такое вот только совсем озверевший от отсутствия дамского внимания наемник ползть может. Хотя чего это я? На вкус и цвет, как известно, товарища нет.

– Не надо плечи мять, – остановил я банщицу. Та с готовностью стала обуваться и с тем же выражением на свиноподобной мордахе развернулась.

– Стой.

– Стою, – повернулась вновь, – только у нас этого вот, – мотнула подбородком куда-то в сторону живота, – нельзя никак. Хозяйка не велит.

Я сплюнул. Ну, вот надо же. Беда какая. А я размечтался.

– Иди. Дверь закрой, – крикнул уже в спину.

Потянувшись, схватил полотенце со столика толстого, зеленого стекла. Обмотался. Вышел в номер. Дверь закрыта. Причем на щеколду тоже. Подпер на всякий случай стулом. Пошел и обратно улегся в ванну. Но заснуть уже не удавалось. Такой расслабон перебила, зараза. И все-таки странно, как она на территорию попала. Надо будет хозяйке попенять. А то – мое заведение, моя репутация! И вдруг банщица, такая пухлая, все препоны преодолевает и гостю дорогому спать мешает. Ну поворчал немного про себя, а потом устроил голову на край ванны и совершенно неожиданно для самого себя позвал вдруг куда-то внутрь:

– Саин, – тихонько так. Но рекомый не отзывался. Я позвал громче. Безрезультатно. Меня сопротивление стимулирует на активность. Так что через минуту мысленных воплей в голове у меня раздалось:

– Чего тебе?

Ничего умного в голову не пришло, и я сказал:

– Здравствуйте, – вежливо так.

– Твоими молитвами, – буркнули мне в ответ.

– Как поживаете? – мудро поинтересовался я.

– Ты у меня спрашиваешь? – ответили мне вопросом на вопрос.

– У тебя, у тебя, – заверил я.

Со смешком прозвучало:

– Спокойно так поживаем. Отдыхаем, можно сказать. Вспоминаем, думаем. А что еще делать прикажешь? – И вдруг сорвался на крик: – Ты откуда взялся на мою голову? А? Откуда?

Ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу! Смотрю, как ты над моим телом измываешься! Тебя где битья учили? Самоубийца хренов, – уже простонал.

– Тивас вызвал, – грустно поведал я.

Последующее словоизвержение цитировать не буду, потому как являлось оно насквозь нецензурным. Матерным. И все в адрес Сергея Идонговича. Могучим филологом, стихийным, но квалифицированным, оказался мой внутренний собеседник. Долго он выражался. Наконец иссяк.

– Так мне рассказывать? – робко поинтересовался я.

– О чем? – горько так спросили.

– Откуда взялся. И как мне отсюда убраться?

– Рассказывай, – дал санкцию голос.

* * *

В общем, из ванны я выбрался где-то через час, взбодренный, до ушей накачанный свежей информацией и очень довольный приобретением нового, чрезвычайно квалифицированного союзника. И лег спать. И в эту ночь никаких треволнений, к огромному своему удивлению, не испытал. Просто спал. Крепко так.

Утро было доброе. Солнечное. В ванну я все-таки влез. А то кто ж его знает, куда и когда труба позовет. Благами, ими сразу надо пользоваться, а то ведь другого раза может и не случиться. Вылез. Оделся. Вооружился. Пальцы по-новому мазнули по манжетам с сюрикенами. Как ни бился Тивас, не желал мой организм к этому оружию привыкать. А тут вдруг пальцы нырнули под сероватую ткань и вырвали оттуда три небольшие, круглые, хорошо заточенные пластинки. Короткими молниями блеснули они и впились в твердую древесину двери. Ровненько так. Столбиком. Порадованный новым талантом, я сказал внутрь:

– Спасибо, Саин.

И сразу же был в ответ покритикован:

– Бросай по одной. И нечего всей рукой размахивать. Не меч. Кистью работай. Ладно, потом научу.

* * *

Есть хотелось зверски. Очень вчера нервный день оказался. С серьезными энергетическими затратами. Ошибку, совершенную в Замке Шарм'Ат, повторять не стал. Шинельку через руку перекинул, так чтобы привязанный к поясу шлем видно не было. Бастард на ремне за спину забросил, охлопался, убеждаясь, что все на месте, и пошел питаться.

За одним из столов, уставленных закусками, уже устроились Тивас с Баргулом. Довольные такие. Тинэйджер прихлебывал из большой кружки молоко и морщился, как котенок, от удовольствия, отрывая белыми зубами солидные куски от булки, щедро помазанной маслом с медом. Тивас прихлебывал из большого стеклянного кубка густо-красное вино, заедая его полосками местной бастурмы. Лицо его как-то неуловимо изменилось, и хотя это был, несомненно, он, вряд ли его смог бы узнать не очень близко знакомый человек. Появление мое он встретил радушной улыбкой человека, у которого нет проблем, чем немало меня удивил, затем щедрой рукой наполнил вином еще один кубок и протянул его мне.

– Отведай.

Отведал. Очень недурно. Полусухое. Бодрящее. После чего уселся и отдал должное закускам. А Тивас уже наливал новый бокал подоспевшему Грайку, выглядевшему тоже весьма умиротворенным. Он, подбооченясь, выпил, уселся и сообщил:

– Сколь милы и любезны девицы в этом чудном заведении.

Довольные улыбки соратников указали, что они солидарны с точкой зрения Магистра. Вот почему у них такие рожи довольные! Это значит, пока я самокопанием занимался, они местный генетический фонд пополняли. Меня аж обида взяла, и я недовольно буркнул:

– А мне свинюшку какую-то прислали. И как она сквозь закрытую дверь просочилась, не понимаю.

– Какую такую свинюшку? – вдруг привычно построжали желтые глаза Тиваса.

– Да мерзенькую такую. Шею все хотела помять.

– Шею, говоришь, – протянул он. – Пойдем-ка, спросим у хозяйки, что за свинюшки у нее завелись. Или других на тебя не хватило? – мотнул он тяжелым подбородком в сторону симпатичных спортивных девчушек, что ловко носились по залу, без видимых усилий перемещая тяжеленные, уставленные едой и питьем подносы.

«Действительно, – подумалось мне, – а почему?»

Было в какой-то степени досадно, но причин устраивать скандал на сексуальной почве я не видел. Да впрочем, и оснований не имелось. Но Тивас, вероятно, думал иначе.

– Итак, где же она?

– А вон, со старшим спускается, – помог ему Баргул.

Она не спускалась, она нисходила по лестнице с Хамыщем под ручку. Хозяйка потрясала величавостью осанки и довольным выражением лица. Как у сытой мартовской кошки. А уж формы. 120-80-120. Почти при двухметровом росте! Представили? И кирпично-красное шелковое платье, нескромно подчеркивающее все изгибы могуче-прекрасного тела. И декольте. Нет. Декольте! Это можно писать только с большой буквы. Потому что обнаженные плечи демонстрировали полное отсутствие устройств, поддерживающих могучий бюст. И корсет эта престарелая хулиганка не носила.

Ну и Хамыц рядышком. Широценная улыбка, широценные плечи, кожей перевитая рукоятка меча высоко так над плечом торчит.

Лица у обоих сияющие. Нашлись, поди, общие темы для беседы.

Такой очаровательной паре навстречу как не встать. Естественно, роль выразителя народных восторгов взял на себя галантный Граик. Говорил долго и прочувствованно, причем настолько, что хозяйка посмотрела и на него заинтересованно, а Хамыц, напротив, сделал недовольные глазки. Поэтому Магистру пришлось фонтан красноречия быстро затыкать, и, завершая свой спич изящным оборотом, он таки вставил элемент критики.

– И все мы пленены красотой и весельем воспитанниц ваших, тетушка, – сделал он округлый жест рукой, обводя зал, по которому, ловко сервируя многочисленные столы, шустро перемещались стройные, спортивного сложения девчушки. Приятная такая униформа. В не очень длинных юбках, удобно лежащих на веселых бедрах, и свободных блузах, открывающих плечи и, как пишут англоязычные юристы, дающих основание полагать, что под этими блузами имеется нечто чрезвычайно волнительное. Очень они романтичный флер придавали милитаризованному учреждению. Мне даже обидно стало: здесь такие симпатяшки шмыгают, а мне поросенка подослали. – Лишь один друг наш, – теперь пальцы руки изящно указали на меня, – оказался недоволен особой, присланной ему в радость.

– А я ему не посылала никого, – немедленно возразила хозяйка, – достойный яр совершенно явно выразил желание отдохнуть в одиночестве. В отличие от остальных. И перепутать я не могла.

– Достойная хозяйка, – вмешался вдруг Тивас, – нет ли в твоём хозяйстве маленькой толстушки...

– В моем? – недоуменно подняла бровь хозяйка. – Ты, достойный, во всем Бирагзанге не найдешь ни толстяка, ни толстушки и тем более маленьких, ибо это – Бирагзанг.

И действительно, откуда в городке, население которого поколениями кормится войной, могут взяться толстячки и толстушки? Скорее уж, такие ражие молодцы, как те, что у ворот, и такие воинственные красавицы, как тетушка Марта и ее атлетические воспитанницы.

– А нет ли в твоём хозяйстве толстушки, что умеет проникать сквозь запоры? – продолжил Тивас.

– Да ты глумишься! – сверкнул гневом, но вдруг сменился пониманием огромный голубой глаз. – Или ты хочешь сказать, – неуверенно вдруг добавила она, – нежить!

– Сказать не хочу, а вот проверить стоит, – пружинисто поднялся со своего места Тивас.

– погоди, погоди, – вдруг остановила его хозяйка, – да ты никак маг?

– Маг, – согласился наш гуру, но тут же поправился: – Начинаящий.

– Вот недоучек нам не надо, – нахмурила бровь очаровательная хозяйка. – Видали мы. Знаем. Корчму мне всю разнесешь. Не надо, – выставила вперед ладонь, – я лучше законного мага позову.

– А пока нежить пусть постояльцев давит, – подхватил Тивас. – Но не страшись. Ведомо ли тебе это? – Он высоко задрал рукав, и на бицепсе вдруг выступила сложная многоцветная татуировка.

– Прости, твоя мудрость. – С каким-то недоуменным смирением Марта склонила голову. – Но удивительно. Маг и наемник. Век не слыхала.

– Так и времена странные.

– Может, пока в Совет кого послать?

– Послать пошли, но мешкать не стоит. А то помнет та свинюшка кому из постояльцев шею, остановить ее куда как труднее будет.

* * *

Дисциплина в заведении присутствовала. Тетушка Марта едва что-то проговорила на ухо одной из девчушек, как та, взметнув юбками, мигом умчалась выполнять приказание.

– Ну, пойдем что ли, – решительно направились к лестнице хозяйка.

– Это может быть опасным, – ровненьким голосом информировал наш гуру.

Тетушка Марта наставила на Тиваса свой мощный бюст.

– Я на это заведение полжизни копила.

Количество жертв в этой фазе накопления уточнять мы не стали.

* * *

В номере моем все пребывало на своих местах. Следов нежити и всяких других пакостей не наблюдалось, и я грешным делом решил, что Тивас в этот раз перебдел.

Его, однако, обыденность обстановки отнюдь не смутила. Куда делся печальный меланхолик последних нескольких часов. Перед нами был наш собрат, собранный, как готовый к атаке кот. Левая рука за спину шест многофункциональный спрятала, пальцы правой мягко так пространство изучают, мнут, шупают. Ощущают. Лицо жесткое, взгляд выцеливающий. Минуту-другую ничего не происходило, и я уже начал успокаиваться, рассчитывая вернуться к завтраку. Как вдруг пальцы замерли в какой-то странной фигуре, напряглись. И замелькали с бешеной быстротой, как будто набрасывая невидимые нити на нечто, обычному взгляду недоступное.

В углу комнаты, у большого трюмо с зеркалом, показалась полупрозрачная фигура, налилась плотью и превратилась в давешнюю банщицу. Как ни в чем не бывало, она оглядела нас свинячьими глазками и спросила:

– Шею мять?

Только голос был не тонкий, поросячий, а густой, раскатистый такой голосок. Глаза налились густой зеленью, нижняя челюсть выдвинулась, рот приоткрылся, обнажая мощные желтые клыки, покрытые буроватым налетом.

– Учуй! – констатировала тварь и с места прыгнула. Навстречу ей метнулся посох. Громко щелкнуло, и банщицу, с торчащей в переносице короткой толстой стрелой, швырнуло назад. Гулко ударившись о стену, она сползла на пол, смешно разбросав несерьезные с виду ручки и ножки. Натебла лужа. Резко завоняло мочой.

– Вот же гадость, – выругалась тетушка Марта, – нежить, не нежить, а девка не моя. Подсыл. Ну что, все или как? – спросила Тиваса, не отрывавшего внимательного взгляда от поверженной банщицы.

– Вроде все, – разомкнул он напряженные губы.

– Ладно, пришло кого, чтобы убрались здесь, – отвернулась хозяйка.

– Не все, – сообщила свежезастреленная банщица, прыжком вздергивая себя на ноги. Подпрыгнула и, несколько раз крутанувшись в воздухе, на пол опустилась уже солидным таким, совершенно свинообразным существом, зачем-то вставшим на задние лапы. Кривые от мощи усаженного на них корявого торса, украшенного длинными, очень длинными руками. А рожа! Ну харя свиная! Что характерно, передничек остался. Тварь сорвала с пояса два секача и сообщила:

– Вам все.

Добавила:

– Тетку первую. Вкусно.

И с места швырнула свой увесистый организм в атаку. Без разгона.

Тетушка Марта вкусной себя, несомненно, считала, но отнюдь не в кулинарном смысле. Положила руки на пояс, совершила пируэт, тяжелый шелк взметнулся, обнажая в высоких разрезах длинные, мускулистые ноги, и навстречу монстру, разворачивая за собой плоские звенья боевого бича, вылетело его треугольное навершие. То самое, что, по свидетельству очевидцев, средний доспех пробивает. И влепило в лоб, добавив звеньями по торцу продолжавшей торчать из лба стрелы, вбивая ее в крепкий череп и останавливая прыжок в его высшей точке. Гостиница вздрогнула от падения чудовищной туши. Вторично повергнутая, скотинка взревела, уже не столь уверенно поднимаясь на ноги. Утвердилась было, но опять воспарила, вдаренная богатырским плечом Хамыца, решившего, по-видимому, удалить угрозу подальше от предмета своего обожания, ну и от нас заодно. Мелькнул в горизонтальном замахе меч и блестящей полосой врезался в заросший жесткой черной щетиной бок. Глухой рык застрял в глотке, из которой хлынула черная кровь, и тут же сменился поросячьим визгом. Баргул, укрывшись за побратимом, вышиб нагайкой глаз чудовищу, и сразу в мотающуюся башку широкой синеватой молнией врубился меч Хамыца, разваливая ее на две части.

От лютого визга, казалось, лопнет голова. Обиделась животинка. Потом картина резко изменилась. Голова с утробным чмоком срослась, заклинив в себе еще и меч, а глаз, висящий на какой-то дребедени, как на пружинке, вернулся на место. И Хамыц с Баргулом, получив мощнейший толчок, перелетели через всю комнату и сломали большое, уютное кресло. Причем Баргул оказался снизу.

Зверюга же, бодрая и здоровая, опять орала, широко раскрыв пасть, при этом меч и стрела, украшавшие башку создания, добавляли картине сюрреалистичности. Я уже совсем собрался ринуться в последний и решительный, но, видно, не судьба была пули той испробовать. В дело вступил настоящий мастер своего дела. Причем вступил уже без дураков. Тивас наставил на уродище палец, шепотнул что-то тихо и гулко. В сторону чудища шустренько полетел радужный шарик. Смешной такой. На мыльный похожий. Долетел и, несмотря на поток воздуха, рвущийся из мощной грудной клетки, мягонько проник в разверстую пасть. И там, негромко хлопнув, расцвел открытый зев неяркой многоцветной вспышкой. Скотинка пере-

стала реветь и мотать башкой. Остолбенела. А потом... Казалось, плоть исчезает, оставляя лишь шкуру, которая подалась в одном месте, в другом, и вдруг рухнула, проваливаясь в себя. И быстренько превратилась в кучку праха с лежащими в ней стрелой и мечом. Тивас тихонько дунул, и прах исчез. Совсем.

Глава 4

Запор мягко отодвинулся, без всякого физического участия, дверь распахнулась, и в нее, держа мечи наготове, протиснулись двое крутоплечих ребят. Я бы принял их за представителей Ледяной Гвардии, но их испятнанные золотыми блямбами панцири были не серебристого, а синего, даже густо-синего цвета.

– Цвет мудрости, – подсказал Саин.

Значит, подтянулись ученые, то есть коллеги Сергея Идонговича. И действительно, между первых двух появился третий. Не столь богато вооруженный, но с активно прущим наружу боевым прошлым. Высокий, широкий, костистый, с узкой, как рашпиль, физиономией, состоящей из одних узлов и изломов. Причем одна сторона диковато-красивого лица изуродована ударом. Моргенштерна, что ли? Но поправлять лицо дяденька не стал. Для лучшего воздействия на подсудимых, надо полагать. Одет мужчина был в такую же хламиду, как и Тивас, но посох его выглядел гораздо богаче. Кипенно-белый, с большим алым камнем в навершии, богато украшенный серебряной насечкой, разноцветьем камней, упрятанный понизу в кованый наконечник, он мог быть использован и как оружие в крайней ситуации. Но потому как посох выглядел целым, похоже, до пиковых моментов у мага дело не доходило. А если и доходило... В отличие от Тиваса, свое оружие он под мантией не прятал. С левой стороны к черной ткани одежды приклеился длинный кавалерийский палаш со сложной чашкой гарды. Литье тонкое, изящное, но со следами затертых зарубин. Кожа, покрывающая рукоятку, потертая, прихватистая.

Маг тяжело оглядел помещение, каждого из нас осмотрел. Представился.

– Охранный Маг Бираг Пегий. Волшба здесь творилась запретная, некромантная, для существа живого противная, – низким голосом проговорил он. Повел хрящеватым носом. – Ныне же сущности той мерзостной следов не чувствую. Кто пояснит случившееся? – слегка возвысил голос.

Боюсь, что никто из присутствующих, кроме Тиваса, конечно, реальных объяснений случившемуся дать не мог. А он молчал, напряженно глядя на место дематериализации скандальной свинюшки.

Несмотря на царившее в помещении напряженное молчание, выпутавшийся из остатков кресла Хамыц выволок из-под руин мебели Баргула, деловито его отряхнул и поставил слегка очумелого степняка на ноги. Тот покачнулся, но устоял. Завершив спасательно-восстановительную миссию, певун огляделся в поисках утерянного оружия, обнаружил и, полностью игнорируя присутствие визитеров, направился к боевому товарищу, совершенно не обращая внимания на руководителя делегации, не отрывающего от него своего ястребиного взора.

Подошел. Поднял. Оглядел. Недовольно цокнул языком, обнаружив пепельный ожог на синеватом теле клинка, обтер меч о рукав, забросил в наплечные ножны. Поднял стрелу.

– Ты ли сразил тварь запредельную? – возвысил голос шрамолицый.

Хамыц недовольно качнул головой, ухмыльнулся виновато.

– Не я. Не получилось. Вот он, – и перебросил стрелу Тивасу.

Тот шевельнул телом, и стрела исчезла в складках хламиды.

– Меч не берет его.

– Кого?

– Свина этого.

– И как же он, – узкий подбородок качнулся в сторону Тиваса, – убил его?

Хамыц нахмурился. Он, похоже, на уровне инстинктов недолюбливал представителей правоохранительных органов. Недобро глянул на вопрошающего. С вызовом посоветовал:

– Его спроси.

Двое в синих панцирях недовольно заворчали.

Граик крест-накрест положил руки на рукоятки. Не приняв участие в схватке с нечистью, он, видимо, решил восполнить недостаток адреналина.

Очухавшийся Баргул крутанул своей плетью-кистеньком.

Я погладил спрятанные на запястьях сюрикены. Еще один подарок Саина.

Так что остатки отряда «Голова» к мордобой были готовы. Это состояние грозило стать привычным.

Хозяйка наша разумно хранила нейтралитет. Столь тщательно, что казалось, даже высокий бюст не тревожил покой декольте.

Тивас наконец счел возможным оторвать взгляд от места упокоения агрессивного поросенка и обратил свое высокое внимание на визитера.

Сначала я решил, что мы попались, и начал прикидывать, как бы половчей обратно свое оружие получить. А все потому, что шея у пришедшего мага напряглась, совсем как у человека, собравшегося броситься в атаку. Не бросился. В желтые глаза Тивасовы уперся взглядом и полувопросительно-полуутвердительно молвил:

– Нам поговорить надо. – И уже к своим обращаясь: – Оставьте нас.

Тот, что справа, заворчал было, но этот Бираг неожиданно задорно ухмыльнулся.

– А хозяева вам пусть пива поставят. Спасать же их бежали. Вспотели. Так что идите пивка попейте.

Хамыц идею сразу поддержал. Руку даме протянул, та торопливо так, движением отработанным, цеп боевой свернула, а певун продолжил куртуазности:

– И слышан я о богатстве винных погребов ваших.

Хозяйка виновато на Мага посмотрела, но Хамыц уже ожег ее совсем неприличным взглядом, и она вроде как нехотя, но весьма зазывно махнув бедром, пошла. Граик с Баргулом, переглянувшись, за ними. Так что бойцам в синем больше ничего не оставалось.

И тут столь сосредоточенный в последнее время Тивас вдруг сказал:

– И мы бы отведали вашего вина, тетушка Марта.

И получил в ответ:

– Непременно, экселенц.

Такая вот могучая конспирация кругом.

– Тебе стоит остаться, – остановил мой порыв последовать за ушедшими наш гуру.

И лицо поменялось. Исчезло выражение растерянности. Воля и властность. Как будто нашлось что-то. Потерянное. Черточки, делавшие его лицо неузнаваемым, потекли, и перед нами предстал прежний Идонгович.

Когда все вышли, Бираг неторопливо, с достоинством опустил на одно колено.

– Приветствую, Великий.

– Приветствую, Пегий. Разрешаю встать.

Вот такая вот деспотическая черточка проявилась в демократичном Сергее Идонговиче. И голос. Таких стальных ноток в голосе добрейшего доцента я припомнить не мог. Даже в самые сложные моменты человеческий он был. А теперь неотвратимо давил.

Остролицый встал, но глаз на Тиваса не поднял.

– Садись, Пегий. Не тревожься, я не держу на тебя зла.

В дверь постучали. Выполняя обязанности младшего в команде, я принял поднос с вином и закусками. Разлил. За плечом у руководства встал.

– Тебе, Саин, тоже привет. Удивлен, увидев тебя. Ты даже помолодел.

Я по привычке хотел удивиться, вильнул взглядом, но вдруг почувствовал, как напрягаются желваки, и услышал свой, правда, какой-то скрипучий голос.

– Не благодаря тебе, Пегий.

Этот «Пегий» я выдавил с нешуточной неприязнью. Если не с ненавистью. И обратил внимание, что рука привычно ласкает левый манжет, в котором таились сюррикены. Пегий побледнел. Самую малость. Интересная же у нас репутация. А впрочем, на таком-то расстоянии...

– Прекратите, – полоснул загустевший воздух резкий голос Тиваса.

– Хорошо-хорошо, – попытался пошутить Бираг, – ты не помолодел.

А у меня на лице совершенно по-чужому дернулся уголок рта, в какой-то неумелой улыбке. Скорее, намеке на нее. А потом напряжение отпустило, и я посмотрел на собеседника уже незамутненным неприязнью взглядом. Но некоторая нелюбовь таки осталась.

Тивас пригубил бокал. Удивленно приподнял бровь.

– Хорошие погреба в Бирагзанге, ты не находишь, Волчище?

– Весьма, – согласился Пегий.

– Теперь же, – глаза Идонговича опять построжали, – позволяю говорить.

И Бираг заговорил.

Впрочем, ничего неожиданного он не поведал.

В чем основная проблема монократий? В уязвимости монократа. Тот, кто готовил переворот, работу начал загодя. Ничего не значащие разговоры, намеки, сплетни, легкие провокации. Нынешнему Императору практически вся властная структура досталась от папеньки. И до самого недавнего времени структурой этой он был вполне доволен. Хотя и подводил к действующему руководству товарищей своих детских игр в качестве заместителей. Все правильно. Преемственность поколений. Однако в какое-то время заместители стали тяготиться сложившимся положением. Нет, внешне все хорошо, все довольны. Но вот ошибочки, просчеты действующего руководства как-то активно выпячивались, подчеркивались. Конечно, со скидкой на былые заслуги.

Структура власти стабильна до тех пор, пока руководитель действует последовательно. Или если его не заменить. Но это случилось. Вектор поведения Императора стал меняться и поменялся в течение времени кратчайшего. И момент этот четко совпал с периодом отсутствия Тиваса. Весом, ох весом был Великий Маг и Колдун. Визирь, можно сказать. Но и визиря сменили. Незаметно. Хотя Маги заметили. И опять «но».... Все просчеты и ошибочки вдруг выстроились в стройную систему саботажа. В заговор, где оказались замешаны все первые. Все. Вернейшие. Мудрейшие. Опора Блистательного Дома. Да что там опора! Они и были, считай, Блистательным Домом, хотя он всегда отождествлялся с Императором. Все, входящие в Коронный Совет, так или иначе превратились в лиходеев. И многие другие тоже. И прозвучало Слово Императора. И заговорщики быстро и разом оказались под стражей. Да, в Ледяной Башне. Твоим, Великий, умением построенной. Мало кто успел скрыться. И были несогласные со Словом Императора. И верные своему пониманию чести не побоялись высказать свою точку зрения.

Я грустно усмехнулся. Конечно, руководимые честью и долгом перед Императором! Что могли противопоставить они политическим технологиям, разработанным столь отдаленными потомками. В мирах, где долг и честь – пустые звуки, а для захвата власти используются новейшие достижения логики, психологии, философии, лжи, подлости и двуличия. Грешили даже на твоих мальчишек, Саин, что делать, репутация. Но след пустой оказался. Не их умение. А верные все шли к Императору, и тот выслушивал своих верных. И они гибли. В нелепых поединках. Или в результате загадочных несчастных случаев. Или становились жертвами не менее загадочных убийц, которых никто и никогда даже не пытался искать. Или вдруг оказывались замешаны в заговор, и их утаскивали в Ледяную Башню неизвестно откуда взявшиеся улаганы. И тогда наконец замолчали.

– А маги?

– А что маги? Ордена их, как выяснилось, структурированы не были. Так, цеха по специальностям, в политической жизни общества участия не принимающие. Да и кому хотелось увидеть перед своей дверью улаганов. И кроме того, похоже, и в их среде кто-то качественно поработал. Ведь желающие подвинуть авторитеты всегда есть. Смоделировать последствия заявления, что «визирь-то ненастоящий», действительно совсем не сложно. Всегда найдутся коллеги с кардинально иной точкой зрения. Случайно, но убедительно сходной с точкой зрения власть имущих. Да признаться, прости, о, Великий, не до того оно. В Тонком Мире движение активизировалось чрезвычайно. Нечисть куда как оживилась. В Древних горах вообще светопреставление творится. Нежить из всех укывищ лезет. В Скалистых неизвестные ранее твари объявились. Сколь ревнивы были браннеры к пересекающим пределы их владений. Ведь охота на нечисть издавна привилегией браннеров и их гоардов считается. И хоть опасна та охота, но прибыльна весьма, ибо полновесным золотом платят Маги и алхимики за останки врагов человеческих. Но даже эти гордецы открыли свои пределы для всех – всех! – желающих поохотиться. Мало того, платят золотом – и щедро! – всем желающим в их гоарды вступить.

Брови Тиваса сошлись над переносицей.

– В Кородамском ущелье появились орды каких-то песьеголовцев, что на поселян набеги учинять вздумали. Лорд земель тех, на тварей сиих охоту учинил, побил многих, но и потери понес изрядные. В земле Шарм’Ат орду такую видели, но, по словам воинов Зеленой Лиги, некие проезжающие орду ту начисто выбили. За пределом Земли Кардо’Ат, в баронстве вольном, не коронном, тоже твари неведомые объявились. С торсом человека, но четырехрукие и с телом коня. Преогромные и нравом ярые. Гоард барона разметали и уничтожили, и быть бы разоренной той земле, если бы не задели они вагига, в краях тех обитающего. Он предел бесчинствам их и положил. А тварей тех насчитывалось двенадцать, а в гоарде барона под двести воинов было...

– И? – еще больше нахмурился Тивас.

Рассказчик расстроено махнул рукой.

– Пришли к твоему, – тут он запнулся, – преемнику, а тот и сказал, что Орден Стражных Магов для того и создан, чтобы нечисть всякую в руке держал, и на мелочи такие времени у него нет. А Император к словам нашим слух свой не склоняет. А по слухам, эти, с торсом конским, тела павших как дичину едят. И, – тут он лукаво глянул на Тиваса, – похоже, улаганам эти твари знакомы. Как услышали о них, спокойствие свое утеряти. Хотя воины отважные.

Такая вот общественно-политическая ситуация.

– Да, – сказал Тивас. Помолчал. Добавил: – Дела.

– И еще! – вскинулся Бираг. – Те из магов, кто, вольномыслие прежнее помня, несогласие высказывают, исчезают на какое-то время. А потом появляются, но другие... – не находя слов, прищелкнул пальцами, – чужие, холодные. Как твой... – опять легкая заминка, – преемник.

– Как много магов твоего Ордена прежнее вольномыслие помнят, – вперил взгляд в глаза Бирага Тивас.

– Ты обижаешь нас, Великий, мы верны тебе. В моем Ордене нет вольнодумцев. Не из Ахуров мы вышли. Умению в поле учились. А в поле лишнее слово жизни стоит. В нашем-то умении и палец в деле лишний раз не разогнешь. – Совсем по-волчьи ощерился.

– Я верю тебе, – прозвучало в ответ.

– Дозволено ли будет спросить, а на чем та вера стоит? – счел я возможным вмешаться. Улыбнулись оба. Оскаленно.

– Дозволено, – холодно глянул на меня Тивас, – но лишь в этот раз. Впредь остерегайся таких вопросов. Расскажи, – кивнул Бирагу.

– Орден Стражных Магов создан для защиты людей и нелюдей от нечисти, – просветили меня. – А поскольку та ранее не в пример зубастее была, то неофиты в Орден тот стремились не сильно. Да и куда им. Ученые. – С презрением сказано, с полным неуважением. – И был

поставлен выбор перед Преступниками Короны, – оскалился. – Кол, толстый кол или вступление в Орден. Многие думали – смерть, только побольнее. Но учил нас Мастер хорошо. Так что другие мы, не в классах ученые. И слово дали все. И Великий нам дал слово. И ни разу его не преступил. Ты спросишь, почему я поверил, что это Великий? – вдруг затронул он тему, интересовавшую меня с самого начала беседы. – Потому что тот нам сразу солгал. И еще. Он с нечистью якшается. И ходит, как обожженный, до всего коснуться боится. А здесь, – вдруг замолчал, – словно медом по сердцу. И слово. «И приму я вашу муку сам», – остро кольнул взглядом, – так-то. – Уставился в окно.

Я быстро поковырялся в Саиновой памяти и про себя охнул.

– Так Пегий Волчище...

– Он самый, – расправил плечи маг.

– А меня гонял, – обиженно протянул то ли я, то ли Саин.

– Нечего было с нечистью якшаться, – отрезал Пегий.

Саин угрюмо заткнулся, а я в очередной раз поразился ширине интересов своего нового знакомого. А потом Тивас бросил на меня взгляд. Такой. Командирский. Куда девался растерянный толстовец? Жизнелюбивый доцент. С таким атаманом тужить не придется. Взгляд выражал приказ. Мне было пора. Требовалось уйти, чтобы отцы-командиры могли посекретничать.

– Прикрыть дверь? – Я все же счел возможным полюбопытствовать и наткнулся на прищур Тиваса. Уверенный.

– Не беспокойся. Теперь не беспокойся, – сделал он ударение на «теперь».

Тихонько притворил дверь. Услышал, как за мной задвинулся засов, хотя оба сидели куда как далеко от двери. Осознал, что меня нагло выперли из собственного номера. Но не обиделся. Огляделся. Коллеги по подразделению продолжали завтракать; правда, если Граик и Баргул именно завтракали, то Хамыц, которого бросила добрая тетушка, чтобы заняться хозяйством, грустить не собирался. Он вместе с двумя ассистентами Пегого дегустировал пиво. Пиво, судя по пенным шапкам, было хорошее. Хочу сразу обратить внимание на тот факт, что шапки пухли на ждущих своей очереди кружках. С теми, что очереди своей дождались, троица расправлялась сурово, но справедливо. Затраченная влага требовала возмещения.

– Брат мой, – обрадовался мне Хамыц, – а ты пиво здесь пробовал? – И, уловив смущение в моих глазах, покритиковал: – Ц-ц-ц, нехорошо. Люди обидятся. – И протянул мне кружку.

Конечно, кому-то может показаться неправильным начинать день с кружечки пива. Но, во-первых, день начался намного раньше, и я с перепугу тоже потерял некоторое количество жидкости, которую следовало возместить. Это уже во-вторых. А в-третьих... Не буду я над вами издеваться логическими выкладками по оправданию бытового алкоголизма, просто признаюсь, что люблю я пиво. Тем более, такое вкусное. И подчиненному по этому поводу замечаний делать не собираюсь. Тем более что на его тактико-технических данных количество употребленного сказывается только положительно. Такой вот мощный предок.

Пиво, правда, оказалось весьма, и в процессе употребления меня не прерывали. Не прервали бы и потом, все-таки воспитание – страшная сила, но, не желая издеваться над любопытством коллег и к ним примкнувших, я сделал очень значительное лицо, пытаясь одновременно изобразить «Гранд политик» и «Полная тайна вкладов». Судя по тому, как все проявили глубокое понимание наличествующих реалий, мои мимические экзерсисы увенчались успехом. И я с чувством выполненного долга присоединился к закусывающим. По мне, похоже, скупали. Потому что Граик сразу налил мне в бокал вина.

– Поражаюсь, как человек ваших достоинств может пить пиво? Попробуйте лучше этого вина. Оно, право, заслуживает внимания.

А Баргул подвинул тарелку с тонко нарезанным мясом. Я уж примерился восторгнуться заботе, но друг степей спросил, лукаво так, по-ленински шурясь:

– Самый старший, а город когда смотреть пойдем?

Вверенное мне подразделение наше неожиданное перемещение в столицу восприняло как незапланированный отпуск.

* * *

Да, в общем-то, чего же не совместить приятное с полезным? Ходить-то по городу все равно придется. На месте сидя, разве что яйца высидишь. А так, впрочем, и атмосфера некоторому расслаблению способствовала. Заведение тетушки Марты было, похоже, круглосуточным. Причем в режиме нон-стоп работала не только кухня, но и местная шоу-программа. Под звуки бодренькой такой музыки на сцене шустро крутилась улыбающаяся девчонка, закутанная в объемный, совершенно скрывающий очертания фигуры кокон из разноцветных тканей. Кокон казался, конечно, совершенно бесформенным, но лукавая мордашка, высокая шея и две гибкие руки, переплетающиеся над головой, давали основания предполагать, что прячется под слоями ткани что-то, ну очень соблазнительное. Хотя до развязки оставалось далеко, вверенное мне подразделение на прелестницу поглядывало гораздо чаще, чем на отца-командира. На меня то есть. Да и сам отец-командир представление вниманием не обделял.

Но насладиться прекрасным мне не удалось. Спустился Пегий. Вроде недолго они разговаривали, но шрамированное лицо оживлял коктейль самых разнообразных эмоций. И радость, и озабоченность, и задумчивость. В общем, много всего отражало это лицо. Группа сопровождающих тут же привстала, но после успокоительного взмаха руки руководства усеялась обратно, а руководство непринужденно разместилось напротив меня. Пригубило вино из предложенного бокала и сообщило:

– Великий ждет тебя.

Великий, надо полагать, Идонгович.

Я приподнялся, собираясь отправиться на встречу с начальством, но он вдруг осторожно придержал меня за руку. Странно так. С опаской, что ли?

– Мы никогда не были друзьями, – утвердительно так проинформировал Пегий, – но я хочу дать тебе пару советов.

– С чего бы это? – Честное слово, не я спросил, опять Саин вылез.

– Не кипятись. Я понимаю, прежнее забыть сложно, но теперь мы на одной стороне. Хочешь ты этого или не хочешь.

Шея моя в знак согласия согнулась. Правда, со скрипом.

Страшная штука – раздвоение личности.

– Ты прав, Пегий. Готов принять твой совет.

Тот довольно кивнул:

– Тогда слушай.

Я долил вина и, как выяснилось, не зря. В горле пересохло очень быстро.

– Ты, Саин, человек очень целеустремленный. Ты бы лучше силы свои на что-нибудь хорошее направил. А так... Ты что вот думаешь, мы просто так за тобой гонялись?

Поскольку правду я сказать не мог по той причине, что не знал ее, пришлось отделаться нейтральным пожатием плечами.

– Догнали бы, может, и остерегли бы.

– Знаю, как вы остерегаете. В гости, в Ледяную Башню. Там и остережете. Пожизненно. Наслышаны.

– И так бывает. Вы же дурни. Не знаете, куда суетесь. Древнее знание, древнее знание. Брехня наглейшая! Вам разные редкости для наживы нужны. А вот что разбудить можете, даже сами не предполагаете, не знаете.

– А вам-то эти вещички для чего? Для вящей славы Ордена? – попытался съерничать я.

Шутку не приняли. Пегий только что по столу кубком не грохнул.

– Для знания! – Ой, а глазки как блеснули. Нрав не голубиный, ой, не голубиный. – Как до людей нежить не допустить! Ты вот что про нечисть знаешь? Лишь то, что беречься ее следует, да с дороги ее во время убираться. А мы вот частенько не убираемся. На дороге ее стоим. Ведь каждая такая тварь, ой, как непроста. Она ведь с каждой жертвой сильнее становится. Все силы и умения к ней переходят. Вот представь, помяла бы холку тебе дрянь эта да свернула бы ее. Представь, в какую силу бы вошла. И как с ней потом справиться? И многие ли справились бы?

Меня, признаться, передернуло. Но Пегий мое движение воспринял по-другому:

– Что, думаешь, сам бы завалил?

Я вспомнил, во что превратилась маленькая свинка, и меня обуяли явные сомнения. Да он бы мне не холку, он бы мне голову раздавил. Легко. Во всем оказался прав Пегий. Спасенную голову пришлось покаянно опустить. Но не надолго. Вопросов разговор выявил пока больше, чем ответов.

– А с чего эта дрянь ко мне привязалась?

– А с чего тебя в Крепь Мороха Заики понесло? – вопросом на вопрос ответил Пегий.

– Наняли, – не вдаваясь в подробности, ответил я.

– Наняли, – устало повторил он. – А костер перед Кабанным Камнем кто разжигал? А кровь пред ним кто проливал?

Хотел я ответить, что не было этого. Саин помешал.

И костер он разводил, и кровь проливал. Ужин готовил. А почему у камня? От ветра камень удачно укрывал.

Очень сложный этот Пегий собеседник. Раскаяние почувствовал на раз и сразу добавил.

– Кто нанял? – Остро так глянул, ему бы в деникинской контрразведке служить. Паузу выдерживал. Взглядом давил. Мастер, конечно. Понял, что слабина не сегодня нарисуеться. – Если вдруг захочешь меня увидеть, – как будто и не делал мерзостных предложений. Позабыл, и все. Как будто и не звучало предложений таких. Мастер, – загляни к «Горбтому медведю», закажи «Семицветное море», но только с подгорным ронгом, и поиграй на стойке четырьмя серебряными марками. Вот такую фигурку собрать сможешь? Ну вот и славно. Пойду я, пожалуй. А нечисти ты берегись. Перешел ты где-то Грань. – Так и сказал – с большой буквы. – Теперь она тебя легко чувствует.

Взбодлив меня таким образом, он встал, кивком попрощался и в сопровождении своих бодигардов величественно удалился.

А я, вдохновленный полученной информацией, допил вино, задумчиво прожевал кусок вяленого мяса, какого-то аналога нашей бастурмы, и отправился на встречу с прямым руководством.

Стоило мне переступить порог собственного апартаментов, как Тивас таки задал вопрос, которого я ждал от него с позавчерашнего дня.

– Где оно?

Вот так вот сурово и безапелляционно, без всяких интеллигентских соплей.

– Вот здесь, – похлопав по карману френча, похвастался я, усаживаясь. И был удостоен весьма суровым взглядом. Неодобрительным.

– Покажи, – требовательно произнес он.

Неуравновешенный такой гуру оказался, то толстолиц, понимаешь, интеллигентствующий, то махновец озверевший, ну не озверевший, но крайне нечуткий. Он, похоже, понял, что немного переборщил, и счел возможным объясниться:

– Трудно сразу перестроиться. Но ты привыкай. Приходится, знаешь ли, соответствовать.

Я милостивым наклоном головы изобразил понимание, но удостоился лишь очередным суровым взглядом.

– Остановись. И запомни. Я – Великий Маг и Колдун. И быть излишне доброжелательным со своим клеветом мне даже не к лицу. Такое просто невозможно. Я говорил тебе об этом. Помнишь?

Наклонение головы стало уже не таким величественным.

– И не забывай. Никакого панибратства. Тебя мало того что не поймут, но твое неуважение ко мне может еще быть воспринято неправильно и послужить поводом к вызову. А в среде наших, пока и так немногочисленных союзников, это совсем лишнее. Это понятно?

– Понятно.

– Так что постарайся себя контролировать. Зеркало, – протянул руку.

– Пожалуйста, – выдал я искомое.

В течение следующего часа я был свидетелем магических экзерсисов Тиваса с зеркалом. Ничего не происходило. Ничего неожиданного. Дракончики все так же весело неслись в забавном хороводе, давали крайне оригинальные трактовки внешности, как Великого Мага и Колдуна, так и моей. Однако не желали менять свои размеры, а также демонстрировать какие-либо иные колдовские таланты.

Абсолютно. В конце концов Тивас сдался.

– Забери, – вернул мне дракончиков.

– Вот же злыдни, – покритиковал я добытое имущество. Подбросил в ладони и посетовал: – Вы бы хоть прежние размеры разок приняли. Ненадолго.

Вот говорят же – в начале было слово. Ну почему мы никогда об этом не помним. Когда я выговорил эту полууроковую фразу, зеркало еще находилось в воздухе. Хорошо хоть реакция у меня оказалась отменной, и организм я отбросить успел. Но это все, что успел, потому что в следующее мгновение меня прихлопнула тяжеленная плита зеркала. Дракончики как всегда пошутили, и как всегда весьма по-своему. Зеркало принять на ладонь удалось. Но видели бы вы, какую карикатурную физиономию отразило зеркало. Вы не видели, а я видел. И засмеялся. Сильно и громко. Вы не обращали внимания, что когда человек смеется, он расслабляется. Я тоже расслабился, и зеркало ощутимо ударило меня по лбу. Но смеяться я не перестал. Не смог. Дракончики, видно, решили, что шутка удалась, и, мгновенно свернувшись, улеглись у меня на животе. А я хохотал, не переставая, под совершенно обалдевшим взглядом Тиваса. Попробуй, не обалдей. Среди обломков кресла лежит двухметровый верзила с задранными лапками и ржет. Полный сюр. Но Тиваса в его Средневековые жизнь закалила.

Он переборол удивление, встал, ухватил меня за задранную лапку и вздернул на ноги.

– Пощечину? – вежливо предложил он.

– Нет, благодарю, – не менее вежливо отвечивал я. Поискал глазами целую мебель, углядел пуфик. Присел. Тивас тоже. Нет, я не прав. Он величественно, подчеркивая, величественно соизволил расположиться. И не менее величественно уставился на меня.

– И откуда у нас такие таланты?

– Какие? – спросил я, с опаской поглядывая на лежащее посреди стола зеркало.

– Такие, – неопределенно взмахнув рукой, постарался сформулировать Тивас. – Неожиданные. – Затем снизошел до объяснений: – Ты как это сделал?

– Ты про зеркало? – посчитал я необходимым уточнить ситуацию. И на утвердительный кивок пояснил: – Ты же сам видел. Попросил. Можешь и сам попробовать.

– Мысль, – оценил мои интеллектуальные таланты Тивас, царственно простер руку и повелел: – Расти.

И ничего не произошло. Минут десять он повторял, скорее всего, то же самое на разных языках, но успеха не добился. Выдохся и укоризненно посмотрел на меня.

– Ну, дракончики ну, что вам стоит? – возопил я, искренне расстроенный неудачей друга.

Хорошо хоть стол оказался крепким. Р-р-раз, и на нем во всем великолепии образовалось наше зеркальце, но в парадном варианте.

– Н-да, – констатировал Тивас.

– Спасибо, – проявил я вежливость, и дракончики приняли походный облик.

Тивас надолго замолчал.

– Знаешь, – заговорил он по прошествии времени, – Пегий мне рассказал, что наряду с появлением Нечисти в Столице невероятно усилился интерес к старым зеркалам, мастерам, в них понимающим, и всей литературе по этому вопросу. Причем приблизительно с момента моего... – Он запнулся. – Замещения. И поиски ведутся сразу в нескольких направлениях. А вот об этом зеркале я не могу сказать ничего. По совсем простой причине. Не знаю. Ясно совершенно одно. Вышло это веселое зеркальце не из рук человека.

– Почему это? – не вовремя вылез я с вопросом.

Ответа не получил. А вот взгляд сурово-воспитательный выклянчил. Вождь же продолжал бормотать:

– Вагиги? Не верится. Не припоминаю ни у кого из них такого нормального чувства юмора. Человеческого. У других тоже такого умения не знаю. Степь? – Вдруг остановился, как с размаха. – Нет. Их мастеров в веселье и с пьяной головы не заподозришь. – Он опять помолчал. И очень задумчиво продолжил: – Вагиги... Вагиги... Хотя есть одна сказка... Сейчас бы в архив. – Опять задумался. Проворчал под нос: – Догадки, догадки... Ладно. Поскольку ты у нас такой специалист по зеркалам, тебе этим и заниматься. Слушай.

Мне, как ты понимаешь, особо по улицам ходить не следует. Сюда тоже не каждого пригласишь. Кто не поверит, а кто не поймет. Такой логический тупик получается. При этом я совершенно ни на кого не могу надавить своим авторитетом. Его у меня украли. И я теперь самозванец. Придется тебе поработать. Был бы ты Саин, я бы сказал, в сфере тебе непривычной. Побудешь ценителем древностей какое-то время.

Я счел нужным вмешаться во вводную.

– Пегий поведал, что я еще и археолог по совместительству.

Начальство посмотрело на меня одобрительно.

– И ведь правда. – Я начал сомневаться, кого по голове треснули, меня или начальство. Амнезия у человека внезапно прорезалась. Мне вот Саин жалился, что на почве древностей он к Тивасу под вербовку и попал. Но сомнения мои тут же развеяли. – В узких кругах ты известен именно как знаток и любитель древностей, а не как мастер клинка. Сам ведь заявлял: что-то всем, и лишь что-то избранным. С избранными и побеседуешь. Причем с вагигами.

– А с людьми почему не поговорить?

В голове закрутились какие-то имена.

– Поговорим и с твоими знакомцами. Если с вагигами не получится. – И зачем-то кольнул меня взглядом.

После беседы со Стражным Магом Сергей Идонгович весьма-таки изменился. Тивас перестал казаться удивленным толстовцем и стал приблизительно таким, каким я и представлял себе царедворца: утонченно-опасным.

– В столице совсем немного вагигов. И еще меньше тех из них, кто пожелал бы празднично беседовать со смертным на отвлеченные темы. Таких, пожалуй, – Тивас слегка задумался, – двое.

Чтобы повстречаться с остальными, пришлось бы поразвлекать их с полгода перепиской, при этом совсем не надеясь на положительный результат.

Я потянулся за подарком, но мой визави отрицательно качнул головой.

– Не стоит на это особо рассчитывать. Ведь сказано же, что с тобой любопытно говорить им. – Последнее слово он выделил голосом. – Тебе ведь не захочется беседовать на отвлеченные темы в течение дня, чтобы затем получить вялое одобрение своим интеллектуальным возможностям. Такое самоутверждение ведь не в твоём вкусе? Да и времени особенно нет. Я мог бы дать рекомендательные письма...

После этого мне были озвучены два адреса, рекомендация воспользоваться услугами извозчика как человека, хорошо знающего местную географию, а также совет прихватить с собой Хамыца в качестве эскорта. Почему именно его, пояснений не поступило.

Выслушав указания руководства, я пошел собираться и Хамыца собирать. «Десятое королевство» в натуре.

Певун полчаса кудахтал, проявляя чудеса логики, лишь для того чтобы доказать мне необходимость наличия в нашем походе Высокой Сестры. При этом основным доводом, повторяемым в разных вариациях, являлось то, что ей любопытно будет на обитель знаний посмотреть. Аргументы меня, признаюсь, не сразили, и на помощь пришлось призвать нашу хозяйку. Хамыц был увлечен для внушения в ее личные покои, вышел оттуда с физиономией кота, обожравшегося сметаны, и больше не ворчал.

Глава 5

Университет занимал не один квартал и даже не два. Много больше. Еще бы. Учебное заведение почти с трехсотлетней историей, из стен которого вышло множество тех, чьими усилиями процветала Империя. И они, похоже, не забывали *Alma mater*, потому что здания, меж которыми нам приходилось идти, отличались от прочих размерами, архитектурой, отделкой и вообще к ним весьма-таки подходило определение «храм науки». Ну а преподаватели, так те просто впечатляли.

Независимо от размеров и объемов, они чинно шествовали, как и положено представителям высшей школы, в отличие от современных мне сотрудников вузов, прямо-таки затурканных постоянным безденежьем, мизерными зарплатами и необходимостью читать лекции везде, где платят, независимо от уровня учебного заведения.

Здесь – нет. Здесь шествовали, именно шествовали облаченные в мантии Наставники. Опирающиеся на богато украшенные посохи с тяжелыми гривнами на груди, с медальонами, указывающими на отрасль знания, в которых специализировался их носитель. Они впечатляли...

Студенчество... оно, извините за банальность, и в Африке студенчество. Крайне разнообразно одетые, горластые, шумные, деятельные, куда-то несущиеся, толпящиеся у досок с объявлениями и расписаниями занятий. Они сами представляли собой произведение искусства: кокетничающие, флиртующие. Обучение здесь, как нетрудно было сообразить, являлось совместным. Ну а гомонил народ о том же, о чем и везде, только с некоторой поправкой на средневековый антураж.

- Достойнейшие, а не поделится кто-нибудь лекциями маэстро Фобиса Зиминного?
- По философии или экономике?
- По философии, друг мой, по философии.
- С вас два кувшина темного эгерийского.
- Вы спасаете меня, друг мой, но пиво пьем вместе.
- Интересно, как вы потом читать будете? Темное эгерийское – штука забористая.
- Достойные студиязусы! В гранитном чертоге, в шестом аудиториуме лекцию по шипанскому праву Голован Гололобый читать изволит. Сего дня в час пополудни.

Популярный, видимо, дяденька, судя по тому, что немалая часть народа в одну сторону так и дунула.

- Но, маэстро, неужели нет ни одного места в семинаре, вами водительствоваемом?
- Мне жаль, контесса, но список уже полон.
- Однако в рецензии на мой этюд...
- «О нравах Западной Степи»? Так это вы автор? Прошу принять мою руку, милейшая контесса. Мы, думаю, найдем для вас место. Приятно, приятно удивлен. Столь пронзительный ум при столь хрупкой внешности.

Невысокий худощавый мужчина удивленно хмурил кустистые брови, глядя снизу вверх. Действительно, очень красивое лицо у высокой девушки в богатом платье, щедро украшенном драгоценностями и весьма нескромно облегающем формы выдающейся фигуры. Что характерно, маэстро смотрел на претендентку с любопытством, а вот она на обладателя весьма прозаичной внешности – с полным обожанием.

– Маэстро Гладиус дает лекцию в Звездном чертоге, в двенадцатом аудиториуме. – И часть народа опять качнулась в сторону, поддавшись призыву.

- По астрономии?
- Совершенно верно.
- Любопытно.

– Маэстро Гладиус – солдафон и невежа, – прервал обычное течение событий глубокий и звучный голос. Я обернулся. Голос абсолютно соответствовал обладателю. Высокий, широкоплечий, богато одетый. Длинная шпага у пояса. Густая черная шевелюра до плеч, золотая серьга с красным камнем в ухе. Горбоносая физиономия украшена испаньолкой. И взгляд надменный, вызывающий. Авантюрист какой-то, а не студент. Хотя, как показывает практика, одно другому не мешает.

– А ты профан, – немедленно вступился за профессора с милитаристским именем верзила со свернутым носом. Короткая стрижка, потертая кожаная куртка и короткий меч с богато украшенной рукоятью. Все ясно: решивший поучиться ветеран. – И невежа, – добавил он, заложив большие пальцы рук за пояс.

– В круг! – с изумленной поспешностью сказал щеголь. – Я вызываю вас. Заклад...

Верзила приоткрыл рот, но вдруг захлопнул его, резко лязгнув зубами от доброй оплелухи, которую вклеил ему невысокий щупловатый блондин. Его опрятная, но простая одежда входила в некоторый диссонанс с упрощенными драгоценными ножнами длинного эстока.

– Ты сколько раз за него этюды писал, Луций? – ядовито поинтересовался блондин.

– Шесть, – виновато сообщил верзила.

– Сегодня ты едва не попал на седьмой. Твой меч против его шпаги. – Блондин говорил так, словно щеголеватый брюнет здесь отсутствовал. Наконец обратил на него внимание.

– Конт Джизел. Мое почтение, – слегка поклонился. – Так какой из постулатов маэстро Гладиуса вызвал ваше неприятие?

Брюнет был уже сама любезность.

– Яр Шалдон. О чем вы? Может, нам продолжить беседу в «Беспалом школяре»?

– Отчего нет? – И начинающие ученые направились для проведения дискуссии в ближайшее питейное заведение. Ну а мы двинули за ним.

* * *

Вообще-то в Университетум мы прибыли за знаниями.

В первом выданном руководством адресе нам не повезло. Двухметровый, как в длину, так и в ширину, дядька сообщил, что поскольку «их величие» в поместье отбыть изволили, принять нас не смогут.

И мы поехали в Университетум. Успешно доехали и сейчас поспешали за нашими невольными проводниками, которые, впрочем, к питейному заведению направлялись весьма уверенно, что указывало на знание местной географии. По дороге троица активно пикировалась, но не злобно, а так, привычно. Что характерно. Мишенью для насмешек в основном был тот самый верзила с древнеримским именем. А вот агрессорами в этой самой интеллектуальной развлекухе выступали как раз таки представители дворянства, долженствующие в соответствии с феодальным правом этого самого выходца из народа всячески защищать. Однако обязанностью своей оба нахально манкировали. Эксплуататоры.

Правда, народный выдвиженец явно не страдал. С удовольствием поворачивал свою коротко стриженную голову к ораторствующему и внимательно, с удовольствием выслушивал. Впитывал, надо полагать, мудрость господствующего класса. Учился. Уровень поднимал. Свой. Ответ же он, как человек военный, придерживал до удобного момента.

И он настал.

Когда зажавшееся дворянство в предвкушении скорого застолья уже поднялось на крыльцо питейного заведения и остановить его порыв ничто не могло, верзила высказался. Лица его мы при этом не видели, но выражение представить совсем не трудно. Мечтательно так сказал:

– Языкастые вы мои! Жаль, не знали вы маэстра Гладиуса раньше. Две такие метлы. Весь плац бы вылизали!

– Брат мой, а что такое плац? – сразу полюбопытствовал Хамыц. Должен заметить, что голос у него громкий, а говорить вполголоса ему не позволяет честь. Но я – человек другой эпохи и пояснил. Негромко:

– Площадь такая. – И предрекая следующий вопрос: – Большая. – Бояре слегка притормозили свое согласованное движение к цели. Спины их напряглись. И очень желая разрядить обстановку, я почему-то сказал: – Мощеная.

Или мое желание обрело гипнотическую форму, или дворянство очень хотело пива. На нашу бестактность решили внимания не обращать и дружно нырнули в недра заведений. А вежливый Луций еще и дорогу нам уступил. Со всем почтением. Но в глазах чертенята прыгали. Определенно прыгали.

Дизайнерская мысль в области логистики питейных заведений, как я, впрочем, уже указывал выше, от привычной мне почти не отличалась. Высокое, просторное помещение по всей длине своей демонстрировало стойку. Солидную такую, из толстых плах собранную, но при этом донельзя уютную – явно настоящий мастер постарался и крышку, наверное, чтобы не ковыряли, из тяжелой каменной плитки выложил. Высокие табуреты сделаны были тоже основательно и увесисто, и, вероятно, для того чтобы они не использовались в качестве аргументов в научных спорах, скорее всего, здесь часто происходящих, их еще и плотно прикрутили к полу. Болтами. Да и вся мебель в этом заведении подчинялась законам одной концепции. Стабильно-неподъемной такой. Ее тоже в качестве аргумента использовать было бы проблематично. Да оно все и к лучшему. И от тележных колес, уставленных огарками свечей, дизайнер отказался. Капля воска в супчике во время обеда вряд ли может улучшить аппетит. Под высоким стрельчатым потолком сыпали разноцветными блесками здоровенные хрустальные люстры. Это сейчас-то, днем. Представляю, как горит это великолепие, когда возжигают светильники.

В диссонанс яркому освещению и празднично-белым столешницам хозяин заведения предпочитал посуду мрачноватых тонов, причем в вагнеровской такой трактовке – от темно-багровой до черной. Абсолютно все, представляете? От кувшина до солонки, от тарелки до винных бокалов... Столовые приборы, и те из этого странного материала. И пиво он нам в фирменных кружках подал. Пиво хорошее. Темное. Холодное. А кружка слишком легкая. Ну явно не керамика. На пластмассу больше похоже.

Человек я любопытный и нестеснительный. Наверное, потому сразу озвучил вопрос и по выражению лица буфетчика (терпеть не могу это обезличенное – бармен, а вот буфетчик, как вкусно!) понял, что спросил у кого надо.

Буфетчик прекратил протирать кружку, это у них мания такая – кружки протирать, отложил и кружку, и полотенце в сторону и поднял высоко над головой указательный палец правой руки. Руку он, впрочем, тоже поднял.

– Конт Дзли – очень светлая голова, – сообщил он нам, пребывая в вышеописанной позе. Затем пафос в нем иссяк, и, вернувшись к протиранию емкости для питья, гораздо менее торжественно проинформировал: – Но и баламут изрядный.

Не раз, оказывается, указанный конт в процессе дискуссий научных (а заведение и функции научного клуба выполняло) драки устраивал, точку зрения свою отстаивая. Мебель в заведении, как вы помните, была неподъемной именно из этих соображений, а вот посуды в процессе диспутов разбивалось изрядно. Несколько раз счета, и немалые, оплачивал папенька молодого шалопая. А потом рассердился и прекратил финансирование. Поскольку сложности в форме неуплаты подобного рода долгов администрацией Университетума не приветствовались и вполне могли привести к отчислению, конт Дзли взялся за ум. И умудрился разработать метод, позволяющий изготавливать...

– Ту самую посуду, что вы изволите держать в руках. Легка, эстетична, а поскольку делать он ее исхитрится из угольной пыли, которая и не стоит ничего, то и дешева изрядно. А может, вы купить ее пожелаете? Тогда милости просим. Так что богат наш конт ныне и талантлив по-прежнему. И, похоже, остепенится скоро. – Тут наш визави быстро вдруг поскущел. Но из его негромкого, но довольного ворчания стало ясно, что предметом вздыхания многажды упомянутого контя являлась не кто иная, как младшая дочь достойного буфетчика. Конечно, самая любимая, но перспектива породниться с контом очень даже душу хозяина согревала. Так что, пожелав доброму дяденьке всяческих успехов, взяли мы по кружке пива и отправились к столу дожидаться обещанного обеда.

* * *

Обед нам подали приятнейший. Как говорили армейские классики – простой, но обильный. После чего начали наслаждаться жизнью. На полный организм наслаждаться жизнью куда как приятно. Но не получилось. Кого-то мы в этом заведении заинтересовали. Неудивительно, но зачем?

По идее, конечно, какого-то уж особого внимания мы привлекать не должны были. Как указывалось выше, пребывали здесь персонажи и поэзотичнее, но... Жизнь, как известно, из мелочей складывается. А отец-командир, товарищ Сергей Идонгович, как раз на означенные мелочи внимания-то и не обращал. Естественно это. Ну скажите на милость, какой командир роты спецназа будет бойцу, не в одном бою, заметьте, проверенному, устройство автомата разъяснять. Вот и товарищ Тивас в высях горно-стратегических пребывал: каждый боец обязан-де маневр свой знать, и это правильно. Но боец бойцу рознь. Тем более если он дикарь дикарем в обыденной жизни, хотя в лесу, конечно, царь зверей. А вот Саин пояснил, с задержкой и некоторой издевкой. Дело в том, что одеяния из кожи огнистых змеев при своей весьма высокой ценности указывали, причем совершенно недвусмысленно, на принадлежность к братству вольных воителей, не странствующих, а именно вольных, то бишь, наемников. А с сообществом этим, как, впрочем, и со многими другими, цех студиозусов пребывал в весьма сложных взаимоотношениях. Нет, конечно, прецеденты случались. И наемники в студенты уходили, и студенты по излишней живости характера плащ странствий надевали. Случались прецеденты. Но вот так вот нахально, в студенческий кабак... Моветон. И если я в своем френчике еще как-то укладывался в мироощущения окружающих, то шикарный длинный плащ Хамыца очень быстро заделался целью весьма-таки проказливых взоров. А как известно, шутит студенчество порой скверно.

– Ах, посмотрите, конт, как огромен этот свирепый наемник, – раздалось вдруг за соседним столом. И говорит кто, не поймешь: те, кто на нас глядит, доброжелательные все такие, отнюдь не испуганные. Те, что спиной к нам сидят, не вертятся.

– А меч, а меч! – Спокойно сидевший до этого Хамыц вдруг прислушался и напрягся. Ощутимо. Он, похоже, больше людей, что спокойно перемещаться мешали, только тех, кто его оружие критиковал, недолюбливал.

– Прекрасен, прекрасен! – заворковали на несколько голосов. Хамыц расслабился.

– Кто?

– И меч, и наемник, – шаловливо вынесли резюме соседи.

– А плеч разворот? Да, плеч разворот! А волосы до плеч? Да, волосы до плеч.

Признаюсь, за все время нашего путешествия я так и не понял, когда мой вечноулыбающийся предок шутит, а когда говорит серьезно. Вот и сейчас, одарив широченной улыбкой пробегающую мимо нашего стола симпатичную официантку, он вдруг поинтересовался:

– Прости, алдар, не скажешь ли, сколь вольны нравы в этой стране?

Я пожал плечами.

– Ведь сколь странно, что в заведении, где еду подают, столь милые девицы. – А куртузности он у Унго набрался, набрался. Пробегающая в обратном направлении официантка, молоденькая, милая такая, не поленилась оглянуться и одарить обаятельного великана приятнейшей улыбкой.

– ...слышать голоса тех, кто женщинам предпочитает мужчин... – За соседним столом вдруг ворковать перестали. – Когда я был в стране Рум, там встречались люди как мужчины внешне, но сами мужчинам отдавались. – За соседним столом установилась тишина. – Правда, – философски закончил студент, – сколько стран, столько и нравов.

С трудом сдерживая улыбку, я был вынужден согласиться:

– Ты прав, брат мой.

Один из сидевших к нам спиной не встал на ноги. Взлетел. Развернулся.

– Да что он себе позволяет! – взвыл он. – Поединок!

Хамыц развернулся неторопливо. Приложил ладонь к уху. Причем оказалась она в опасной близости от рукояти меча.

– Ты говоришь, что?

Из-за других столов послышались смешки.

Юноша с односторонним чувством юмора покраснел, как бурак.

– Я сказал – поединок!

– А мне все равно, что ты говоришь. Иди посуду мой.

Парень явно собрался взяться за оружие.

Реакция окружающих мне в целом нравилась. Массы, в простоте своей, к таким скандалам были привычны. Из-за столов никто не вскакивал, разнимать не лез, так, отдельные, далеко сидящие, вроде как привстали, чтобы видеть.

Что делать, студенчество! А то ведь как бывает, только люди соберутся отношения выяснять, как доброхоты набегут, в рожу друг дружке насовать помешают, пар, так сказать, спустить. Те злобу и затаят, а там и до смертоубийства недалеко.

Наш оппонент рефлексиями не страдал, как, впрочем, и богатством словарного запаса.

– Поединок! – почти закричал он. И вдруг с треском распахнулась дверь недалеко от нас. В каждом приличном заведении ведь кабинеты есть.

– Лорд-проректор, – испуганно прошелестело по кабаку.

* * *

Вмешавшийся в свару меньше всего походил на лорда, хотя вот здесь я могу ошибиться, видеть мне пока приходилось лишь лордов южных. Так что, вдруг они здесь другие? Этот вот был очень... авантажный. И относить к такому обращение «лорд-проректор» мне, например, в голову бы пришло в последнюю очередь. Потому как был он кудлат, громаден, широкоплеч, грудаст, пузат и краснорож. За последний эпитет, может, и стоило бы принести извинения, но лицом фейс сего благородного мужа назвать язык не поворачивался. Жезлом, на который опирался достойный ученый, можно было прибить дракона средних размеров. При должной сноровке, конечно, потому как выглядел предмет увесисто. Бордовая мантия, в соответствии со справкой Саина, указывала на то, что специализировался великан в сфере наук отвлеченных – философии, логики, схоластики. Но студенчество поглядывало на педагога, представлявшего столь мирные дисциплины, не только с уважением. С опаской посматривали на наставника студиозусы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.